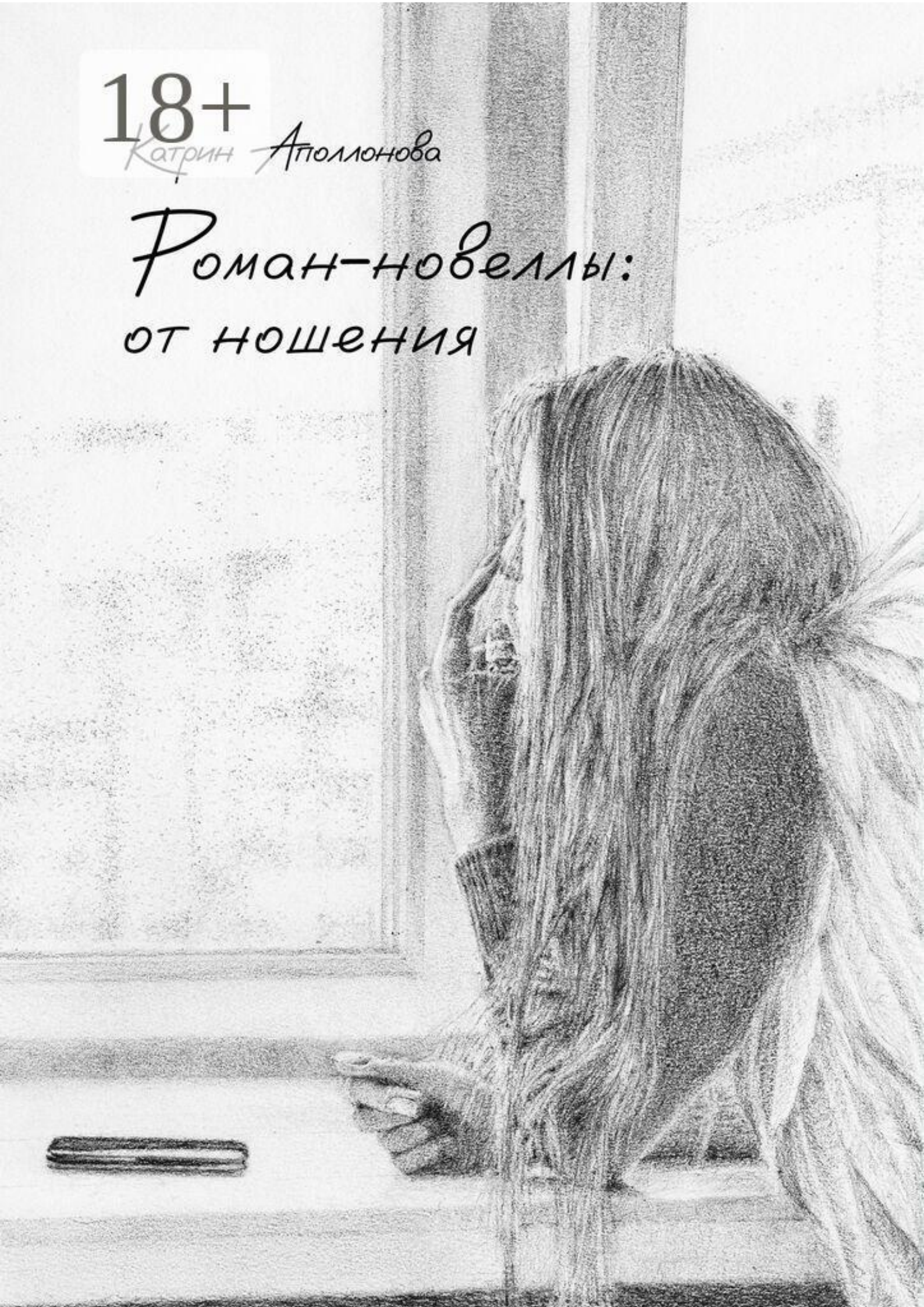

18+

Катрин Аполлонова

Роман-новеллы:
от ношения

Катрин Аполлонова

Роман-новеллы: от ношения

«Издательские решения»

Аполлонова К.

Роман-новеллы: от ношения / К. Аполлонова — «Издательские решения»,

Мы любим истории... Они-то дополнительные жизни нашего бытия. Здесь истории. Одну будто уже где-то слышали, другая, кажется, случилась с нами, третья совсем нереальная. Герои и лица чередуются, имена существуют, судьбы перепутаны, но связаны между собой, как единая сеть связывает дома. Если взглянуть на небо, а потом перевести взгляд чуть ниже, увидим, что все-все постройки города связаны проводами. Замечали их? Книга о жизни и её узоре, который так хорошо виден на фоне неба. Катрин Аполлонова

© Аполлонова К.

© Издательские решения

Содержание

Слово редактора	6
Первые отзывы и впечатления	7
1	10
Некто в клетчатом пальто	14
2	18
Его история, сцена первая	19
Зачем	21
Его история, сцена вторая	26
3	28
Его история, сцена третья	29
Его история, сцена четвёртая	31
Ангел	35
Его история, сцена пятая	38
4	40
Его история, сцена шестая	41
5	45
Лирика	46
Жить в горах	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Роман-новеллы: от ношения

Катрин Аполлонова

Редактор Хагалль

Корректор Мария Чепиницкая

Художник Александр Аполлонов

Дизайнер обложки Татьяна Сетькова

© Катрин Аполлонова, 2026

© Татьяна Сетькова, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-4383-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Слово редактора

Уильям Джеймс сказал: «Наши жизни подобны островам в океане или деревьям в лесу, чьи корни переплетены в подземной глубине».

То же можно сказать и о жизни, заключенной в книгах. Открывая обложку, мы открываем дверь, за которой нас ждет неизведанный пока мир.

Этот роман подобен китайскому шару в шаре — истории переплетены и неразрывно связаны друг с другом, как резные сферы, которые можно рассматривать бесконечно, открывая все новые и новые узоры.

А еще он звучит, и каждый герой — целая партитура, их голоса и жизни от страницы к странице играют блюз или ноктюрн, джаз или сюиту, рок или этюд. Нужно лишь прислушаться.

Город здесь не декорация, он дышит вместе с людьми, меняется с их шагами, отзывается на их радости и горести, он часть каждой истории, такой же живой, как и люди на его улицах, в парках, домах, кафе.

Откройте обложку, переверните страницу — и позвольте каждой сфере волшебного шара увлечь вас за собой. Идите не спеша, слушайте, смотрите, чувствуйте. Пусть голоса героев заговорят в вас, а город станет вашим спутником и зеркалом, отзываясь на каждый шаг.

Хагалль

Первые отзывы и впечатления

Шуршат страницы быстро
На них буковки-смыслы
Ты читатель не спеши
Свои смыслы в них найди
То, что сам боялся в жизни жить
Проживи
Есть жизни как история
А кто-то жизнь собирает по главам
Вехам
Провалам
Взлетам
Встречам
Расставаниям
Вздохам
Объятиям...
Историям
Собирает, как случайные вещи в доме
Иногда, носит как украшения
А иногда истории,
Что камни в заплечном мешке
И ты проживаешь свой путь
Их жертвенного ношения,
Перемещения
От одного человека к другому
Хочешь их пристроить,
Чтобы свою судьбу устроить
А стоит научиться жить собой
Открыть сердце Любви, Смыслам, Откровениям,
Проживаниям каждого мига
Во всей полноте
Чтобы не было больно душе

Об этом роман, дорогой читатель

Не спеши листать страницы
Читай не буквы
Смыслы
Не суди героев
Не ищи в них себя
Проживи с ними их истории
И найди суть своего бытия
Где ТЫ, есть Я

*(Ирина Погудина, астропсихогенетик, исследовать человеческих
судеб, визионер)*

Отношения — это всегда непросто, если пустота внутри. Читая роман, я испытала огромный спектр эмоций — от злости до умиротворения. Совсем как в отношениях. Поэтому и стихи с этим романом ассоциируются такие полярные. Пусть он наполнит вас так же, как и меня.

Я разбилась на осколки.
Колко. Остро. Не порежься.
Страх под кожу влез иголкой.
Без иллюзий. Без надежды.

Я разбилась — склеить надо.
Нежно. Бережно. Не трогай.
Просто будь со мною рядом.
Просто будь — прошу немного.

Я разбилась — как красиво!
Ярко. Брызгами. Попробуй
Успокоить. Дай мне силы,
Чтобы не разбились оба.

Пройдись по мне мурашками.
Пожалуйста.
Всерьёз, не понарошку,
не из жалости.
И сердце в пятки, пропустив удары.
Недаром.

Скажи мне важное, целительное,
нежное.
Согрей дыханьем, как умеешь,
бережно.
И крылья вырастут — мощнее с каждым словом.
Снова.

Верни улыбку, детскую,
без горечи.
И эти наши разговоры
дó ночи.
И руки, тёплые, родные, мне на плечи.
Легче.

Открой объятия одеялом
плюшевым,
таким знакомым. Мы сольёмся
Душами.
И страх отступит — больше он не властен.
Счастье.

(Мария Чепиницкая)

*Дорогой друг, у меня есть суперспособность.
У тебя тоже. Расскажи о ней в ответ на это письмо.
Я могу видеть знаки, отметки на дороге жизни.*

1

— Я по объявлению. «Приму лишние деньги». Это вы написали?

— Это я написала.

Она открыла дверь шире и позволила ему войти. Указала тонким пальчиком, где можно расшнуровать и ровно поставить ботинки. Дёрнула плечами и отправилась в комнату. О том, что следует идти за ней, он догадался сам.

— Значит, вы хотите...

— Значит. Хочу.

— ...избавить меня от лишних денег. А так можно?

— Мне можно, — она поставила на стол чашку. Включила чайник. — Чёрный или зелёный?

— Чёрный, — гость сел на предложенный стул. Перед ним открывался просторный вид из большого окна. — И никаких комплексов?

— У вас? — уточнила хозяйка объявления. — Откуда же мне знать? Хотите рассказать о своих комплексах? — она улыбнулась.

Чай был приятным. Гость пил его медленно, давая остыть. Воздух стал лёгким.

— Откуда вы знаете, что бывают лишние деньги? — спросил он.

— Я не знаю. Это вы о них знаете, вы же мне их принесли, — сказала она.

— И вы примете?

— Приму, — она протянула ему конфетку в блестящей обёртке. Он взял.

— А что вы мне за это...

— Ничего, — ответила она.

— Почему же я тогда должен?..

— Не должны.

— А с чего я тогда?..

— Я не знаю, это же вы пришли. Зачем вы здесь?

— У меня лишние деньги, — сказал он. — Я хочу порадоваться за них. Но покупка любви и шмоток не радует.

— Тогда порадитесь за меня, — сказала она. — На ваши деньги я буду легко и красиво жить, занимаясь тем, что мне нравится, в чём чувствую своё предназначение, но не получаю за это денег.

Он посмотрел вопросительно.

— Нет-нет, ничего пошленького, — перебила она его взгляд. — Только творчество.

— Я, получается, стану Ангелом при жизни? Это же так называется? — спросил он.

— Станете тем, кем захотите.

— Я дам вам деньги, — сказал он. — И буду давать иногда.

— Я так рада! — она захлопала в ладоши и заулыбалась шире.

— Можно я иногда буду с вами разговаривать? Ни о чём. Совершенно. О творчестве...

— Да.

Если дверь открыта и человек за ней приглашает войти, значит, это точно можно сделать. Моя героиня впустила встречного не только в дом, но и в жизнь. Она легко согласилась на его предложения, ответила на короткие вопросы, и неловкие паузы были заполнены пониманием того, что им не нужно больше, чем время от времени встречи.

Пусть так.

Читатель ждёт от них вспышек страсти, поцелуев, где она ударится затылком о стену, а он запутается в штанах, торопясь спустить их. Читатель не то чтобы соскучился по подобным сценам, он просто знает, что почувствует, явись она на страницах.

Автор умеет создать напряжение: переводит внимание на тонкие пальцы героини, на спокойную осанку героя, на фарфоровые чашки с чернейшим чаем.

Какого цвета увиделись чашки?

Кто готов к импульсам сюжета, тому они кажутся белыми. Кто хочет понять, что имеет в виду автор, знакомя персонажей под таким странным предлогом, видит чашки розовыми. И редкий читатель увидит их голубыми или сиреневыми — а может, вообще ни один. Тогда бы это означало, что история и вправду закрутилась вокруг идеи простого обмена деньгами, где есть элемент отдачи долгов.

Автор ставит на стол чашки с чаем. Не уточняет, из какого они материала и какого цвета. Для его мысли это неважно. Важно, что за окном открывается просторный вид. Что глаза героя отдыхают, пока героиня просто находится рядом.

Она сама ждёт, ей интересно, как завяжется беседа, начавшаяся с провокационной и глупой мысли... Кстати, послание от автора: «Умные люди, не читайте это. Это глупый роман».

Ох, как велика разница, через какую дверь мы входим в отношения, начинаем общение, сближаемся с людьми. Как началось с тем, о ком подумалось прямо сейчас?

Дверь открыта.

Человек вошёл. Беседа началась.

У героев должны быть имена

И пусть они обязательно будут. Назовём героя — он первым появился в кадре — каким-нибудь непростым именем. Например, Вадим. Это имя понятно только его владельцу и его родителям (это не точно). Он знает, что Влад, Владимир — совсем другие имена. Что он не Владик, а Вадик. Новые знакомые и коллеги записывают его в телефоне под фамилией и заглавной В с точкой.

— Меня зовут Вадим, — повторяет он девушке на первом свидании.

— Я помню, Влад, дорогой, — улыбается она зубами, клочками окрашенными красной помадой.

— Милейшая... — занесёт он начало фразы над её наивностью и тут же передумает. Зачем что-то объяснять той, кто изначально не захотел запомнить имя. Кстати, а какое имя у неё?

На его кабинете нет таблички с именем, да и кабинета толком нет. Он не каждый день посещает офис. А когда бывает, ловит возгласы коллег: «Владимир Такойтович, ждём в конференц-зале!» В имени ошиблись, но он понимает, что это обращаются к нему. Встаёт, выходит.

И только девушка на ресепшен — куколка с пухлыми розовыми губками в обтягивающем классическом платье — ни разу не перепутала и называет его правильно:

— Доброе утро, Вадим... — до конца он обычно не дослушивает.

— Не интересно... — тихо под нос. И закрывает за собой на защёлку дверь кабинета. Его имя Вадим.

Её зовут Полина. Простое имя, которое она не любит называть из-за того, что любой новый знакомый после норовит назвать Полей, Полиночкой. Полина — только так и не иначе.

Полина любит произносить своё имя, немного растягивая ударную «и». Будто бы приглашая: «Вот мы познакомились, и?..»

В дверях он обернулся.

— Вы хотите знать, как меня зовут?

— Не уверена, — ответила Полина.

— Я тоже не уверен, — ответил Вадим.

Дело то ли в том, что она точно запомнит его имя и он это чувствует, то ли в том, что ему неинтересно, как зовут эту зеленоглазую брюнетку. Ведь этот кошачий образ так легко испортить неподходящим именем.

Она смотрела в окно на его удаляющуюся фигуру несколько секунд. Размышляла, что же на самом деле здесь произошло. Вспомнила, что дала ему свой номер телефона.

«Я и сам не понял, что произошло», — написал он.

«Читаете мысли», — ответила она.

«Дело опыта», — написал он. Следом пришло сообщение о первом денежном переводе.

«Приняла. Благодарю!» — ответила она. Интересный опыт.

Он вскоре вернулся. На нём был строгий костюм.

— Это для чего? — она окинула его взглядом, глаза остановила на галстук.

— Я же с работы.

— А я думала, вопрос с финансами решён.

— Вопрос решён, но дела продолжаются.

Она прошла в комнату, он за ней. Она понимала, что разговоры так не начинаются. Но также она, да и он тоже, осознавали, что они не друзья, не партнёры — меньше, чем чужие люди. Любой из них мог завершить общение в любую минуту, не причинив другому боли.

— Твои дела не завершаются. Это обычное дело, — она обернулась, заглянула в его глаза, подумала: «Светлые, как и мои». — Но зачем выглядеть вот так?

— Так нужно.

— Я бы поняла, если бы ты ответил, что тебе так нравится. Но если «вопрос решён», а дела ты продолжаешь, потому что... как ты сказал? Они не завершаются? То есть они сами это делают, а ты обслуживаешь их в этом костюме, потому что «так надо».

— Ты не очень вежлива, — сказал он.

— Я не очень удобна, — ответила она. — Но это пока я не влюблена. Пока не потеряла себя. Почему же ты так выглядишь?

— Не знаю.

— У тебя есть другая одежда? Которую ты любишь.

— Да. Я надену в другой раз её.

Он пил чай, смотрел в окно. Он точно понимал, что «другой раз» будет. Он так же напишет дня за два, предупредит о визите. Будет эти два дня жить обычной жизнью, иногда вспоминая, что в его графике стоит особая встреча. Вероятно, и он может быть на ней неудобным.

— Я даже не задумывался, что может быть иначе, — признался он.

— Что ты можешь быть собой?

— Я могу быть собой? — помолчав немного, переспросил он.

— Если ты наденешь то, что хочешь, а не то, что надо, или то, что я попросила, то будешь.

— Забытое чувство.

— Хорошо, что вернулось.

— Это твоя суперспособность? Возвращать чувства?

— Называй, как хочешь. Всё начинается с малых шагов, — она тоже отвела взгляд к окну.

— Присматриваемся.

Она взяла трубку почти сразу. Он тихо ойкнул, она хихикнула в ответ. Признался, что не привык, чтобы на его звонки так быстро отвечали. Даже не успел дожевать бутерброд.

— Давай, пока ты жуёшь, я расскажу тебе, что со мной недавно произошло, — предложила она.

— Только если это не будет правдой.

— Об этом мы никогда не узнаем.

Она уселась в кресле поудобнее, как любит: завалилась спиной в самую глубину, подобрала ноги и оказалась будто бы внутри раковины, как жемчужинка. Она блуждала глазами по горизонту, подбирая нужные слова, создавая солидную паузу. Он ждал спокойно.

— Я вышла из дому в тот день в ужасном настроении. Но музыку не включила, — начала она. — Ковыляла вдоль дороги к переходу. Заметила, что светофор приближается к переключению на зелёный свет, но я ещё не подошла. И тогда я побежала. Прямо по дороге. По линии остановки машин. Водители видели этот мой манёвр. Думаю, они испугались. Они ждали, пока я добежу, пока освобожу дорогу. Ждали машины, автобус, то есть люди в них. Мир замер, задержал дыхание. Я перебежала. Выдох. Движение возобновилось.

Некто в клетчатом пальто

— Могу я вас отвлечь? — спросил некто в клетчатом пальто и клетчатых штанах.

Она подумала, что они знакомы и он так шутит, давая ей время вспомнить его. Она подумала, что из-за того, что неправильно перебежала дорогу, какой-то человек решил сделать ей замечание. Она подумала, что выглядит слишком плохо, чтобы к ней подошли просто познакомиться. Она подумала, что этот человек её с кем-то перепутал.

— Мы знакомы? — спросила она.

— Пока нет, — замялся он.

— Вы кем работаете? То есть нет... вы замужем? — спросил он.

— Первый вопрос был легче. Я не знаю, замужем ли я, — это был честный ответ. — А работаю я в творческой тире рекламной сфере. А вы? — интересно ей не было, но она спросила.

— Я художник.

Она привыкла, если творческий человек узнаёт, что она как раз из тех, кто продвигает художников, писателей, композиторов, актёров и прочих «творящих» и желающих «раствориться», сразу же начинает от неё хотеть помощи в продвижении и раскрутке. Но в тот день она действительно думала о чём-то сложном и занимающем её всю.

— Это шутка? — только и спросила она.

— Нет. Тебе же удаётся зарабатывать на жизнь с помощью своего дела...

Она подумала: откуда взялось это «ты»? Она подумала: почему «же»? Будто бы он продолжал разговор, который начал когда-то не с ней.

— Мне же удаётся. А тебе?

— И мне, — ответил он.

Она окинула его взглядом, сказала, что он хорошо одевается. Он согласился. Хотя она соврала. К наряду в мелкую клетку прилагались коричневые, разбитые в хлам мокасины, из-под которых виднелись синие носки. А на спине висел неприметный коричневый рюкзак.

— Так ты не ответила на мой вопрос, — попытался улыбнуться он. — Ничего, что я на «ты»?

— Я не помню вопроса... или это он? Ничего, наверное, — ответила она. А внутри спрашивала себя: «Зачем же мне всё это нужно?» Ей было неуютно рядом с незнакомцем. — А ты женат?

— Был когда-то, — ответил художник. — Уже пять лет в разводе.

Она спросила его о возрасте. Он ответил, что ему сорок один год. Она уточнила, оказалась ли его жена стервой, поэтому они разошлись. На это он ответил удивлением... Она перебила его эмоцию признанием, что она сама уж точно стерва, спросить хотя бы её бывшего мужа. Ей было очень интересно — поддастся ли художник на провокацию, начнёт ли унижать бывшего близкого человека перед незнакомкой. Он сдержался, только выпалил пару особенностей, которые не переносил в бывшей супруге. На всякий случай поинтересовался, нет ли у неё таких же. Она, не задумываясь, ответила, что есть.

— Тогда что мы?.. — спросил он.

— То есть? — уточнила она. Они шли вдоль улицы туда, куда нужно было ей.

— Ещё увидимся?

— Предпочитаете сложных женщин?

— Нет. Я приглаживаюсь.

— Вот и увиделись. Мы видимся сейчас, — сказала она.

— Но я хотел поговорить...

— И говорим сейчас.

Он сказал, что ему нужно свернуть в свою сторону. Он опаздывал в мастерскую, где его уже жаждали. Она сказала, что понимает. Он взял её контакты. Обещал написать или позвонить.

Он не написал и не позвонил.

— Серьёзно? Не написал и не позвонил?

— О, ты уже дождался и можешь говорить! Я рада.

— Ты хоть узнала, как его зовут? — спрашивал Вадим в трубку.

— Да. Я назвала себя По. А его зовут Влад.

Они оба засмеялись. Вспомнили, как недавно вспоминали мужские имена, с которыми можно спутать имя Вадим. Влад был среди них. И тут он возникает на улице. Предлагает познакомиться.

— Тебе польстило его внимание?

— Мне было тогда не до него, — призналась Полина.

— Ты скрыла от него свою протяжную «и», которой звучишь, когда произносишь своё имя целиком. Ясно, что он тебе не понравился.

— И правда. Это ясно.

Она рассказала: недавно ей показалось, что она снова увидела этого художника. Ведь происходило это в её районе, недалеко от её дома, где, как выяснилось, располагалась и его мастерская. Ей показалось, что и он её заметил, потому что резко свернул и чуть не угодил под машину. Она снова засмеялась.

— Удивительное поведение. Он странный. Он не вёл себя странно?

— Задал один необычный вопрос: верю ли я в Бога.

— А ты веришь?

— А тебе интересно? — спросила Полина.

— Нет.

— Зачем тогда спрашиваешь?

— Хотелось почувствовать, каково это — задавать такой вопрос.

— Почувствовал?

— Да. Пустой какой-то. Но, кажется, вердикт тебе вынесли именно по твоему ответу. Ты же наверняка отшутилась.

— Наверняка. Я не помню.

— Забавно, ты помнишь всё, что говорил он, но не помнишь, что говорила ты, — сказал Вадим.

— Такая вот забавная зверушка, — ответила она. — Вадим, как ты?

— Я рад, что у меня теперь есть ты. Человек, которому я могу позвонить «как ни в чём не бывало». Ты не знаешь моего прошлого. Не знаешь меня. Мои грехи и деяния закрыты для тебя. Возможно, мой токсичный круг отвернулся от меня, возможно, у меня больше вообще никого нет и все бросили общаться со мной, потому что я тот, кто я есть. Возможно, я проживаю боль множественных потерь. Возможно, мне больно так, что я запретил себе чувствовать и погрузил себя в скуку и уныние, но тут явилась ты. Моя жизнь не поменялась. Но у меня есть человек, которому я могу позвонить.

— Можешь, да.

Они оба помнили, что он даёт ей деньги. Просто так. Что их флирт на материальной почве. Но вслух они проговорили: не в материи тут дело. Деньги он даёт ей, потому что может и хочет это делать. А общение рождалось само и без раздумий. Что-то создавалось.

— Давай не будем из этого ничего делать? — предложила она.

— Давай, — согласился он. — Я уже наделался. Давай просто жить.
— Я прожила этот день прекрасно, — сказала она.

Иногда события клонят к земле. Мы такими их выбираем потому ли, что хотим измерить диапазон своей Души, потому ли, что нам становится скучно... Мы лезем в правду, которая нам не нужна, и ранимся об неё, бьём себя, бьём того, кто её берёт — эту правду.

Иногда о происходящем мы бьёмся так сильно, что воздуха перестаёт хватать. Меркнет свет в глазах. От боли хочется разбежаться и биться о стену. Крик, пот по спине, боль в руках: «Нет, этого не должно быть. Этого не может быть. Я не так хотел...» Все живы, но всё рухнуло, а мы не были к этому готовы. Как так? Как теперь дышать? Драма зашкаливает, и чувства становятся такими реальными и осязаемыми, как будто это стены дома.

Хочется залезть в сеть, читать посты в ленте, чтобы отвлечься, чтобы прожить минуты сильнейшей боли, занимая себя чем-то другим. Но буквы плывут. Фотографии кажутся одинаковыми. Музыка глохнет, цвета меркнут. А люди на улицах, не знающие, что человек несёт в себе много боли и отчаяния, обращаются с ним так же, как обычно, так же, как со всеми: толкают, обгоняют, смотрят мимо. У всех своя жизнь, свои заботы. А у нас на глазах туманная пелена. Руки тяжелее обычного. Ноги подкашиваются. Внешне незаметно. И хоть бы один голос. Хоть бы одно признание. Хоть бы один человек, готовый сказать доброе слово.

И тогда должен быть в телефоне контакт, который сможет — точно сможет с тобой поговорить. Пусть не в любое время. Пусть звонок будет отложен на час или два, но ожидание его — это уже Путь. А что произошло, почему так больно — оборвался Путь.

— Да, теперь я могу говорить, — он услышал её голос в трубке. Легче пока не становилось. Но он уже был не один в этом мире.

— Если бы ты знала, как мне нужен хоть чей-то голос.

— Я иду с тренировки. Вот тебе мой голос.

И небо проясняется над нами. Может, потому, что у нашей жизни появляется свидетель (возможно, это кому-то очень нужно). Может, потому, что нам есть с кем разделить нахлынувшее. Может, потому, что нам есть чем или на кого отвлечься.

— Я не хочу рассказывать, что у меня происходит, — сказал Вадим.

— Я и спрашивать не собиралась.

Святые слова. Как же они порой нужны.

Он, завидев её в стеклянных дверях отеля, ринулся навстречу. Ошалелыми глазами выразил восхищение и даже удивление.

— А вот это уже обидно, — сказала она. — Я могу выглядеть хорошо. И даже без повода. Хотя он есть.

— Мы виделись совсем чуть-чуть, и хоть в домашнем убранстве ты прекрасна, сейчас ты просто неотразима.

— Отразима. Я смотрелась в зеркало... проверяла, — ответила она.

Открытые плечи, голая спина, пышная кисейная юбка цвета чистого тела в пол. Узор чёрного блеска, подчёркивающий талию. Голые, без единого украшения, руки и пальцы, робкие серёжки, убранные в пучок волосы.

Она улыбалась розовыми губами. Он был одет стильно, хоть и строго. Повод для встречи — совместный поход на светское мероприятие, куда его пригласили, а ему идти совсем не

хотелось. Он признался ей, что разбит, что удручен, что ничто его не радует. А она ответила, что радоваться пока и не обязательно: «Мы можем просто сходить».

— Мне понравилось это твоё «просто», — сказал он. Он подвинул её стул, помог сесть за стол. Затем сел сам. — И нравится, как ты принимаешь мои ухаживания.

— Мне это легко.

— Если устанешь, дай знать — мы уйдём.

— Нет, мы досидим до конца. Пришли, значит, нам здесь место.

— Теряем время, — отрезал он.

— Как и всегда, — улыбнулась она. — Всё просто так, как и то, что я принимаю твои деньги, но мы не в отношениях, ты принимаешь мою помощь и внимание, но мы не друзья. Мы просто так. И нам это нравится. Просто посидим здесь до окончания вечера.

— Расскажи мне одну из своих сказок, пока мы ждём начала. Говорить о чём-то хочется, а вопросы задавать немоготу. Да и не хочу я знать о тебе ничего... Точнее, я не хочу, чтобы ты захотела что-то узнать обо мне. Поэтому — сказка.

— Изволь. Я расскажу тебе одну из своих историй. А ты мне однажды расскажешь свою. Одну.

Она улыбнулась. Он кивнул.

2

Я вижу больше, когда закрываю глаза. Образы пятнами выплывают из небытия, что живёт за закрытыми веками.

Сначала дерево в снегу, потом обрывок двора... Исчез.

Ползёт с противоположной стороны вязкая клякса кадра: клочок облака на ровном небе цвета чьих-то глаз.

Отчего-то я волнуюсь. Цепляюсь за образ, боясь его спугнуть. От этого он блекнет. Небо перестаёт быть серым и перестаёт быть небом. Мне нужно выйти в доверие происходящему, в поток творящего сознания.

Глубокий вдох, и уже на пике наполненности внутренний экран воспроизводит картину. Выдох беззвучный, и вижу я ботинки тёмные, по снегу шагающие. Штаны в модную складку из них растут. Чуть выше линии колена начинается пальто.

Это штаны моего героя. Его пальто. Его прошлое.

Сумка, рука без перчатки. Первые звуки на холсте моей фантазии — дорога неподалёку. Проносящиеся автомобили имитируют шум океанических волн.

Мамы с детьми — неуёмные чайки — перекрикивая себя, заглушают гудящую тишину вечного неба. Наверное, поэтому мы забываем о нём иногда. Неба не слышно за нытьем быта.

Какой-то ещё звук... Кажется, звонит телефон в сумке. Инерция. Ответить по привычке быстро и скомканно.

Его история, сцена первая

Морозный воздух особенно свеж, когда мимо проходит эта девчонка-подросток. Каждое утро идёт мимо меня в школу. Каждое утро по пути со мной к автобусу. С особой грацией скучающей ламы. Не может справиться с растущими костями в неловком скелете. У неё божественный парфюм, смешанный с отталкивающим подростковым мускусно-миндальным запахом.

Воздух, мне нужно больше воздуха. Ещё один глубокий вдох...

Замерзает рука. Гладкий телефон уже в ней. Я отвечаю на звонок. Нужно поправить волосы, открыв ухо под трубку. Добрый их ворс под пальцами, теперь за ухом. Подношу телефон.

Всё. Я в разговоре. У меня есть имя, и я слышу, что мне говорят в трубку.

Где-то позади я оставил фантом женского пола, что сидит сейчас с закрытыми глазами в своей тихой комнате и...

...теперь все, кто будут являться на этих строках — мои герои. Мой воображаемый мир. Я прописываю их... Пока это набросок. Черновик. Вы когда-нибудь читали черновики? Помните, в чём сложность таких работ? В них много разрозненного и нужно о многом догадываться: что хотел сказать автор. Секрет в том, что не нужно залезать в голову автору. Достаточно своей. Пусть она сама решит, что имеет в виду. А лучше — пусть решает сердце.

Кажется, пора отвлечься на чашку чая. Чтобы начало отпустило флёр оригинальности и дало ход новым мыслям и чувствам. Нашим новым мыслям и чувствам.

Я не буду ждать, пока читатель догадается, что происходит. Это отвлекает от сюжета, которого и без того нет. Ведь что есть сюжет жизни? Факты стопкой. Я переписываю миры, значит, всё должно быть хоть сколько-нибудь ясно.

Дело вот в чём...

Мои герои теперь часто будут вместе. У них есть общая тема — страсть к историям. Полина рассказывает чужие истории. Вадим рассказывает свою. Посмотрим, как переплетутся нити судьбы. Сколь ровным или узорчатым получится полотно. Что за Паучиха сидит на посту ответственного за пересказ того, что на самом деле могло бы не быть.

На светском мероприятии былолюдно, но не слишком шумно. О таком говорят — «чинно». Они могли разговаривать, не перекрикивая музыку. Они могли разговаривать так, чтобы слышать только друг друга, оставаясь неслышанными другими.

— Моя первая история для тебя называется «зачем».

Она кивнула официанту. Горячий чёрный кофе стоял перед ней. Она потрогала ложку тонкими пальцами и заглянула ему в глаза.

— О чём-то задумался? Ты попросил историю, помнишь?

— Зачем...

— А и незачем! — она засмеялась. — Но историю я расскажу. Наша жизнь состоит из историй.

— Я готов слушать.

Он поправил воротник рубашки. Уселся поудобнее.

Она начала рассказывать. Воображение рисовало образ, затем проявился голос. Он начал звучать, затмевая голос Полины. Он начал рассказывать об отношениях.

Зачем

Я рисую. Художник. Или иллюстратор.

Она фотограф. Мы вместе. Или нет — не знаю. У нас непривычные для меня отношения.

Фотоаппарат... такая вещь интересная: сначала он настораживает, а потом приглашает к совместным занятиям. То есть сначала хочется, чтобы это «ружьё» не стреляло, а потом просят поддержать. У неё был заказ ко мне. Явилась за ним с фотоаппаратом.

Я не искал отношений, она тоже.

Я назову её Зачем.

Я предложил разуться. Она прошла на кухню. Приняла приглашение выпить чаю (зачем я только предложил?). Медленно она пила его, просила добавки. Начала что-то рассказывать. Воздух теплел.

Она сидела на моей кухне, пила чай, а я надышаться ей не мог. Тогда мне показалось, что секундная стрелка моей жизни замерла. Я сел рядом. Мы разговорились. Потом я слышал о таких, как она — быстро становятся «своими».

Она была после каких-то занятий. Одухотворённая вся. Немного волшебная. Одета по-простому, почти по-домашнему. Глаза... Помню очень добрые глаза. И улыбка нежная. Ямочка на щеке.

Пригласил её в комнату. Что-то рассказывал о дизайне квартиры, о творчестве, об учёбе. Она трогала стены, улыбалась. Я попался. Я запал. Я потерялся.

— Я приду сюда снова, — сказала она и забрала заказ. Выпорхнула за дверь, не попрощалась.

Я ринулся к холсту. Я сделал набросок открытой книги. Вырванные страницы. Смятая бумага рядом. Сломанный карандаш.

Я записываю то, что идёт на ум после нашей с ней встречи. Я творю: «Я листаю... воспоминания. На меня направлены три видеокamеры. Сверху. Снизу. Третья где-то с краю. Не на том краю, где я восточку поджидаю. По другому краю камера. Где-то на грани, переливается яркими воспоминаниями: кадры, терзания, жаркие касания, — в твоих фотографиях, которые я листаю, всё больше белого. Шума белого, конечно. Не пошлого. Долгого. Как шаг в вечность.

Ты не подумай, я тебе верю. Страница сухая в руках застряла. Её перевернуть давно пора.

«Переворачивай уже», — шепчут лесные призраки. Им надо знать, что дальше. Им плевать в и на мои тяжёлые мысли. Плевков стекает по шее тёплой струей. Будто бы он — дыхание горячее твоё.

Не дождался кто-то. Ушёл. И хорошо. Стало легче дышать. Листать. Вспоминать. Я буду столько эту страницу незакрытой держать, сколько захочет того моя память. Пока она создаёт себе идола и на него молится. Пока камеры направлены и свет в половину лица. Нежный нуар. Сейчас грянет гром.

А, нет... тишина.

Что я слышу? Щелчок фотоаппарата или то был затвор?»

Я выписал себя и уснул. Кажется, меня не было в этом мире неделю. Я думал о ней. И я ждал.

«Хочешь помедитировать со мной?» — вот таким было сообщение от неё. Я ответил, что это странно для меня, непривычно. Кажется, услышал, как она смеялась на другом конце города. Тогда я ещё не знал, что она посмеётся надо мной в итоге. Почему согласился? Зачем мне вообще всё это: медитация, встречи? У меня есть я, моё творчество.

Зачем?

Зачем стояла она на моём пороге? Зачем сидела напротив, скрестив ноги? Зачем дышала со мной под странную музыку? Зачем приятно пахла? Зачем касалась моего лба?

Зачем осталась на ночь? Я сам предложил. Это было странно. Казалось, я забыл, что делать, как двигаться. Мялся на её одежде. Боялся открыть глаза и увидеть эту ехидную улыбку медитирующего бесёнка... непознанного мной прежде.

Она ушла. И забрала с собой мою жизнь.

Ждал её бесконечные пять дней. Писал новые картины и новые стихи. Только о ней, только о нас. Она пришла снова. Ещё более прекрасная, чем в прошлый раз. Улыбалась. Мы у метро встретились. Меня уже потряхивать от неё начинало. Так влекло.

Она понимала, зачем я её позвал снова. И она уже понимала, кто я, но согласилась встретиться со мной. Кажется, мельком упомянула, что у неё есть другой. Не помню. Зачем мне всё это? Я был в бреду. Страсть бурлила рекой.

Я наливал ей новую кружку чая. Ходил по кухне из угла в угол, смеялся без повода и всем телом, как мне кажется, выражал неуверенность в себе.

— Я интроверт... — ляпнул между делом. Слава всему! Мне удалось объяснить свою скованность. Зачем? Это же так глупо.

— Хорошо, — ответила. Кажется, ей было всё равно.

Я не мог сидеть на одном месте. Вскрикивал чуть что со стула, открывал холодильник. Она же сидела расслабленная и наблюдала за мной ленивыми, но острыми зрачками. Она не из «ангелочков», хотя веяние от неё именно такое было. Она, скорее, из утомлённых роковых красоток, которые прячут себя в обычной жизни и серых кардиганчиках.

— У меня до тебя мало было девушек, — сказал я и утонул в смущении.

— О бывших поговорим?

Я не понял, смеялась она или нет. Отрицательно помотал головой. Я перестал слышать. Что-то она ещё говорила. Потом тишина. Я смотрел ей в глаза и молчал. Вечность. Я сидел далеко — не мог прикоснуться. И тут она кивнула. Просто... кивнула.

— На что ты киваешь? — спрашиваю.

— На тот вопрос, который ты задаёшь сейчас внутри себя.

— Я спрашиваю, хочешь ли ты остаться снова.

— Да, я останусь.

Всё так просто. Её невероятные губы, её внимательные пальцы. Такое сближение, которого я не проживал раньше. Не знаю, как это рассказывать. Это вне зоны моего понимания.

Она приходила, мы говорили.

— О чём говорить, если будущего нет...

— Его никогда не было.

— А я думал, что есть. По крайней мере, наше с тобой.

— У нас есть настоящее, — сказала она.

— В этом настоящем, если я прикоснусь к тебе, в будущем я об этом пожалею, — признался я.

— Ты не можешь этого знать.

— Я не могу продолжать этот спор, — я раздражался.

— Ты не хочешь ко мне прикасаться. Это другое дело. Признайся в этом себе.

— Я не хочу продолжать эту терапию, — ответил я.

— Я общаюсь с ребёнком, — она раздражалась.

Мы лежали рядом и молчали. Бывало, подолгу. Но я ценил эту тишину. Я не хотел нарушать её прикосновениями. Вообще хотел бы, чтобы она была и чтобы её не было одновременно.

Так можно? Чтобы мы рядом, но я делал ровно то, что хочу. А я хотел заливать холст линиями и красками. Я хотел рифмовать строки.

— Ты права. Будущего нет. В настоящем я не хочу прикасаться к тебе. Не знаю почему.

— Имеешь право.

— Не знать?

— Не касаться. Мы хотели поговорить, а не касаться.

— Я хотел... Я хотел.

На улице с шумом проехал мотоцикл. Сработала сигнализация у автомобиля. Дворовые барды притихли. Мир начал затихать, прислушиваясь к нашему напряжению.

— На плечах по кирпичу, — признался я.

— Пройдёт, — сказала она.

— Это не из-за тебя.

— Это не из-за меня.

— Всё равно все чувства испытаем за жизнь, — сказал я. — Какие в плане записаны, все проживём. Так или иначе. Я вот так.

— Ты вот так.

Она моложе меня почти на десять лет. У неё мужчина. Но она сказала, что любит меня. Я не стал углубляться в подробности. С ней ко мне приходили новые идеи. Дела шли в гору. Она поддерживала меня во всём и часто была на связи. Она не хотела переезжать ко мне, жить со мной. Зачем?

А я не понимал, нужно ли мне это. Но месяцы шли. Я тосковал по своей одинокой жизни и по ней. По моей красавице Зачем.

— Знаешь, мне кажется, что ты не переезжаешь ко мне, потому что выбираешь того второго. Он всё ещё есть у тебя?

— Тебе это никогда не было интересно. Что вдруг случилось? — она удивилась искренне. — Мне нравится нечастота, с которой мы видимся. Я была уверена, что тебе дорога твоя одинокая жизнь.

— Да. Это так. Но мне хочется, чтобы ты выбрала...

— Не надо.

— Ты хочешь выбрать не меня?

— Не ставь меня перед выбором. Я не хочу выбирать.

И она моргнула медленно, плавно, сладко при этом улыбнулась своей особенной, ласковой улыбкой. Я забыл всё, что мы обсудили. Мы были близко. Мне больше ничего было не нужно.

С ней я забывал вообще обо всём, а она не забывала ничего. Помнила обо всех моих желаниях и исполняла их при каждой новой встрече. Покупала подарки. Оставалась со мной ненадолго. И уходила. Я не знаю куда.

Мы не гуляли вместе. Наш мир — моя квартира-мастерская и редкие встречи в ней. Иногда, правда, я встречал её у метро или у подъезда, когда она приезжала на такси.

Часто приходила уставшая — много работала. А я на кураже: о ней были все мои мысли всю неделю или даже две. Я жду, и она приходит. Первое мгновение — дар! Потом её голос, наши прикосновения. До сих пор не пойму, зачем она была со мной. Зачем ей это было нужно. Она ничего не получала со мной. Только отдавала. И отдавалась...

— Ты достоин лучшего, — сказала она однажды ночью. Тогда я понял, что это конец. Но не хотел в это верить.

— Что ты имеешь в виду? — спросил я.

— Я полюбила тебя, — ответила Зачем. — И больше не хочу обманывать тебя надеждой, что однажды мы будем вместе. Я не твой человек. Я разрушу твой мир тишины.

— Это не так... — нелепо я попытался возразить.

Она прикоснулась к моим губам. В ту ночь я отговорил её расставаться. Тогда же у нас с ней был сеанс ласки. Односторонний. К себе она меня не подпустила. Потом она уехала. На целый месяц. В другую страну. Это был её проект. Я не мог быть рядом.

Но она вернулась. Стояла на моём пороге, сжимая в руках подарок и мою последнюю надежду. Я почувствовал, как я ту же обвиваюсь вокруг неё. Как она мне нужна. Я видел свою зависимость от неё. Как душу её своим вниманием, своей большой любовью.

Её руки, мягкая кожа. Запах. Мы сидели на большой кровати. Голые. Она говорила, как я красив. В её руках кто угодно стал бы красивым. Мы медленно гладили друг друга. Некуда было спешить.

Она повторяла: «У нас вечность впереди». Это было моей мечтой. Никакой гонки за ощущениями, тело трепетало, когда она была рядом.

Мы расстались только через месяц. Выбрались из моей конуры и поехали вместе отдыхать. Кафе, чужой город и чай. Она призналась, что я мучаю её чувствами.

Зачем?

Будто бы что-то взбрело. Но зрачки — я помню этот её взгляд — чёткие и холодные. Она говорила, что я стал жить только ей, дышу ею, а ей нужен самодостаточный, сильный, интересный человек — личность, какой я был в первые дни знакомства. Какая личность? Меня трясло. Зачем она так?.. И я замкнулся.

— Значит, ты не против расставания, — она смотрела на молчаливого меня.

— Я не знаю, что делать. Я слушаю тебя. Очень внимательно. Ты знаешь, я не умею внимательно, но я стараюсь.

Я рыл себе глубокую могилу. Моя собачья преданность и туго стянутые кольца змеи на её тонкой шее — совсем не то, что ей было нужно. Я и сам это понимал. Я отступил.

Мы встретились с ней через пару недель. У неё был день рождения. Я купил ей в подарок то, что она давно хотела. Вложил всю душу и любовь в создание этой посылочки. Она приняла...

— Это же любовь, — сказала.

— Да, — говорю. — Любовь...

Я почувствовал, что плачу. Не выдержал. Она ушла. Прислала сообщение: «Ты сделал мне очень хорошо подарком. Я хочу тоже для тебя что-то сделать. Попроси, пожалуйста, у меня что-нибудь». Я попросил какие-то безделушки. И уехал. Это должно было быть наше с ней новое путешествие. Но я поехал без неё. Вернулся. Пришло сообщение, что она готова встретиться, но я не смог. Я каждый раз хотел сойтись, но делал что-то не так.

Устал. Зачем всё это?

«Я долго смотрел в себя и понял, что больше не хочу с тобой встречаться», — это был мой ответ ей.

Зачем?

— И всё? — спросил Вадим.

— И всё. Тебе мало? — ответила Полина.

— Какая-то нездоровая подростковая стычка длиной в год. И не жалко времени на подобные отношения: это отношения вообще? — спрашивал Вадим.

— Это отношения. И у тебя такие были. Ты просто забыл.

Полина напомнила, что они просто коротают время. Живут жизнь, и в ней есть место историям. Коротким перебивкам сюжета основной линии жизни, которые то ли украшают, то ли дополняют, то ли отвлекают.

— Да. Ты меня отвлекла, я тебе благодарен, — признался Вадим.

— Я не для этого тебе её рассказала, — ответила Полина. — Мне просто нравится рассказывать истории. Наслаждаюсь звучанием своего голоса.

— Мило.

— Шутка.

— Понял.

Разве не через истории мы понимаем глубже и полнее, что за человек перед нами?

Разве не истории, не выбор сюжетов и образов, подборка слов и приёмов, чтобы донести смысл, говорят нам о человеке многое?

Вадим и Полина сидели в большом зале за круглым столиком на четыре персоны. На подиуме перед ними разворачивалось действо. Два раза Вадима вызывали на пьедестал — награждение за что-то, что он в себе не признавал. Полина улыбалась и аплодировала. Водила бровью и сверкала глазами, будто бы делала кадры, помечая зрачками-вспышками красивые и важные эпизоды.

— Ты живёшь историями.

— Все живут историями. Они-то опыт. Они-то наша настоящая жизнь, — сказала Полина. — Кем бы мы были, если бы не истории, на фоне которых лучше видны наши поступки и события? Где собирается опыт и впечатления? В историях... У тебя тоже есть своя история.

Шум за дверью не стихает, уснуть не получится.

У меня три новых ручки и пустая тетрадь. Голова болит. Усталость. Все хорошо здесь, только вот весело за стеной очень. Ребята не разговаривают. Они орут. О себе. Слышу обрывки фраз — пустые разговоры.

Мне нравится эта тетрадь. Пустая голова не мешает заняться чем угодно... творчеством, например.

Пусть здесь и сейчас начнётся чудо!

«Я вижу больше, когда я закрываю глаза...»

Я продолжаю, но начну ещё раз с начала.

Его история, сцена вторая

Кто-то подглядывает из окна своего дома за людьми, спешащими на автобусную остановку. С верхних этажей видно, что автобус уже близко, а люди на тропинке мешкают. Наблюдателям интересно, успеют их наблюдаемые или нет. Те, кто в тепле — не торопятся входить мыслями в тайны жизни каждого пешехода. Здесь важна одна картинка, которая раскрывается в моменте. Маленький сюжет. И важны детали.

Взгляд наблюдающих остановился на мне, потому что я немного иной. У меня чудная походка или...

Что сейчас важно? Ну, скажем, время года. Сейчас зима. Поздняя. Середина февраля. Снега много. Он уже тёмный и привычный для глаз. Я иду по протоптанной в снегу тропинке к автобусной остановке.

Короткое чёрное пальто, воротник поднят. Узкие тёмно-синие джинсы на длинных худых ногах. Тёмно-коричневые ботинки. Сумка на длинном ремне — почти пустая, болтается неуклюже. Немного приподнимаю плечо на каждом шагу, чтобы не потерять её. В сумку поместился бы ноутбук, наушники, большой блокнот и книга. Но она точно почти пустая. Огромный мешок.

На руках тёмные перчатки. Шапкой я пренебрёг. Видны тёмные волосы, немного удлиненная макушка.

Телефонный звонок. Я останавливаюсь. Рукой резко ныряю в сумку, ловко достаю телефон: «Да, я вышел, уже иду. Буду вовремя».

Люблю короткие разговоры. Люблю, когда всё ясно.

Дипломатичный. Пунктуальный. Вежливый. Положил телефон в сумку и продолжил путь на остановку. Сегодня автобус. Как и всегда. Машина была. Сейчас нет. Без неё выгоднее и легче.

Кажется, автобус уже уехал. Не успел. Но это не имеет значения. Главное — вышел из дома и двигаюсь к цели. А автобусы ходят часто. Вот и новый. Даже трек в наушниках ещё не сменился. Последние аккорды.

Поехал.

Я занимаюсь дизайном квартир. Внутренняя отделка, стиль. Сейчас в основном заказы на лофты — огромные квартиры без перегородок, с высоченными ангарными потолками. Проектирую внутренние сюжеты пространства: где спальня, где ванная. Мне приятно думать, что я пишу внутреннюю жизнь людей. В какой комнате они будут спать, в какой — встречать рассвет, а в какой погружаться в одиночество.

Хорошо, но нестабильно зарабатываю. Езжу на общественном транспорте не всегда, но периодически. Так быстрее и надёжнее. У меня с собой небольшой планшет с набросками. Сразу не разглядеть — он на дне сумки.

Эта встреча приведёт к цепочке перемен, о которых я пока не знаю. Я продолжу писать. А ты, дорогой фантом в тихой комнате, пожалуйста, наблюдай и подсказывай, когда тебе кажется, что красок маловато или детали становятся резиновыми, тягучими. И конечно, задавай свои нескончаемые вопросы, если я первый не успею на них ответить.

По сути, не имеет значения, чем занимаются мои сегодняшние клиенты и как их зовут. Я делаю лофт для Олега. Мы не друзья. Олегу меня порекомендовал его коллега Глеб — я делал внутреннюю отделку его загородного дома. Сотрудничаем. Он мне кажется приятным человеком.

Если бы я зарисовывал картину нашей с ними встречи, я бы взял мел цвета сепия — рыжий, ржавый, холодный. Делаю набросок: фигуры людей, их позы. Детали здесь неважны, на мой взгляд — цвет глаз, волос, одежды, — какая разница, если речь пойдёт об искусстве.

Олег, Вадим, Глеб. Последний самый старший и опытный. Мы с Олегом тоже видели жизнь уже лет сорок как, но по нам заметно, что мы вышли из отношений давно и пока не спешим в них возвращаться. Морщины на лице есть — говорят, у мужчин они не проходят сами собой — но они замершие, привычные для мимики. Мы постарели однажды, не справившись с управлением, и остановились.

Олег пожимает мне руку. Говорит, что вечером мы идём с ним на концерт. У меня нет правил работы с клиентами: дружба, не дружба — не важно. Программа интересная, и я соглашаюсь. Тогда он переходит к проекту, и всё идёт как по маслу. Мне нравятся его вопросы, ему подходят мои идеи.

На рабочем столе Олега фотоаппарат — редкость. Зачем он, если уже есть телефон? Оплотность от дизайнера, я понимаю, на фотоаппарате всё чётче. Впрочем, я, скорее, художник, чем фотограф. Зарисовываю несуществующее, а не передаю подсмотренную реальность.

Картина встречи обрела краски. Теперь мне приятно на неё смотреть.

Встретились перед входом в клуб.

— Секунду, — Олег достал фотоаппарат. Сделал кадр.

— Как неожиданно, — сказал я и поправил шарф. Это интересная привычка — поправлять на себе одежду, прихорашиваться, когда дело уже сделано. «Выстрел» прогремел, кадр сложился, а я только начинаю поправлять... В жизни мы так же: сначала делаем шаг, потом исправляем последствия. Вся жизнь такая — последствия.

После концерта мы идём по непривычно тихой улице. Весна близко. Воздух ещё немного морозный, но безветренность не даёт замерзнуть.

— Как хорошо понимать, что мы живём сейчас, — говорю я. Олег улыбается. Переводит на меня фотоаппарат. Дает мне несколько секунд. Я поправляю шарф.

— Так-то лучше, — говорит он.

3

- Месяц.
- Или больше, — сказал Вадим в трубку.
- Мы не слышались месяц. Но спасибо за подарочки, которые я получаю от тебя постоянно. Интересно стало, по какому принципу ты делишься со мной своей добычей.
- Неправда.
- Неправда. Неинтересно.

Он не поцеловал её на прощание, когда они расставались после званого ужина. Она и не ждала этого. Но сила привычки родила в сердцах обоих горечь. С этим чувством трудно было смириться. Они не созванивались. Не виделись. Не общались.

Не каждый контакт — выстрел в цель. Сколько холостых снарядов, сколько пустых выстрелов в надежде, что новый будет в яблочко. Сколько ожиданий, надежд, привязанности к результату. Не случилось. Выстрел прогремел, всё указывало на то, что пуля вылетела и несётся к сердцу. Но то был хлопок падающего столба неподалёку. Они даже не расчехлили оружие. Просто дошли до дома. Просто молча разошлись.

Она закрыла за собой дверь и присела на тумбочку в коридоре. Ей было сложно стоять. Она знала, что нужно подышать, побыть в паузе замирания. Ещё немного — и возможность двигаться вернётся.

- Он сел в такси.
- Она скинула туфли.
- Он мчался вдоль фонарей и людных улиц.
- Она пошла в душ. Вода смывала смыслы.

- Я рада твоему звонку.
- Давай поговорим.
- Давай. Ты первый.
- Перезвоню, когда сяду в такси, — сказал Вадим.
- Направляешься куда-то?
- Да. К тебе. Я перезвоню.

Его история, сцена третья

На следующее утро после клуба я проснулся позже обычного, но чувствовал себя хорошо. Приятное воспоминание от концерта. Был кофе, мужские разговоры. Кажется, у меня появляется новый друг. Не знаю, как это должно происходить.

Телефон пуст — нет сообщений, свежих вопросов или предложений. И хорошо.

Руку свесил. У кровати лежал мой пёс Фред, или Френд (для некоторых даже Фрейд). Огромный, кареглазый, лохматый, породы маламут. Вот мой настоящий друг.

Редко мне удаётся погулять с ним вечером, прошу соседку — добрую женщину из соседнего дома. Добродушная «тётя Надя» бродит по двору с моим могучим псом. Она же поддерживает в моей холостяцкой норе порядок за скромное вознаграждение. Никогда не приходит без просьбы. Бывшая учительница. Интеллигентное воспитание.

— У маламутов всего два недостатка, — говорю я ей. — Вороватость в плане еды. Северные собаки. Съел, значит, выжил. Об этом они инстинктивно всегда заботятся. И упрямство. Если чувствуют опасность — никакими правдами и неправдами нельзя их заманить на «ложную» тропу. Лучше хозяина послушаться, лучше наказание понести — на ложный путь не встанут. А в остальном собаки дружелюбные, мягкие, чуткие. Совершенно неагрессивные, незадиристые. Никакие не сторожа, но верные друзья.

— Мы с ним подружимся, — отвечает тётя Надя. Просит её так называть.

Наша с Фредом встреча произошла непредвиденно, случайно, но она была неизбежна. Одно маленькое желание, небольшое усилие — и вот я разговариваю с приятелем одного из главных заводчиков в городе. Пара месяцев ожидания — и щенок в моей небольшой (как я теперь это понимаю) квартире. Первенец у этой пары собак. Первый родился, из первого помёта. Особая сила и доброта в нём.

«Фред, ты будишь меня, чтобы мы прогулялись? — спрашиваю я его. — Итак, дорогой, сегодня мы с тобой отправимся в дальний поход. У меня со вчерашнего вечера хорошее настроение».

На ошупь иду в ванную, оттуда на кухню. Фреду нужно поесть перед прогулкой. Я собираюсь. Кофе возьму по дороге. Рановато для завтрака. До ближайшего открытого кафе около пяти километров. Но автобусы пока полупустые — суббота. Значит, можно зайти в автобус с собакой. Намордник есть. Всё по правилам.

Между делом подхожу к столу. На нём блокнот с квадратными белыми листами. Несколько по-особому заточенных простых карандашей. Белый лист. Небольшой. Графит серый. Я останавливаюсь, подсаживаюсь к блокноту, делаю набросок: тропинка, кусты по бокам. Из угла листа тянется верёвка-поводок, дальше собака. Большая, пушистая. Идёт по тропинке. Свежее утро. В парке ещё всю зиму. Брошу пару сугробов небольших. Машины вдалеке. Цивилизация.

Доволен. Ушёл.

Мы с Фредом доехали до кафе на автобусе. Почти в свободе и всего при паре-другой испуганных глаз. Купили чай, печенье и продолжили путь. Пешком в сторону дома. Через парки. По набережным.

— Почему ты замолчал? — спросила Полина.

— Доехал.

— Поднимайся. Я послушаю твой рассказ, — сказала она.

Он пришёл без цветов. В кармане уместилась небольшая коробка конфет. Она засмеялась детским смехом, спросила, где он взял такую прелесть, уж не в такси ли? Оказалось, что именно в такси. И это было дважды мило: подумал о ней, стащил для неё. Впрочем, о романтике она не хотела вспоминать. А он, похоже, чуть потерялся, столкнувшись с её смехом.

За её халатом тянулся по полу светлый шлейф. Она плыла к балкону, где на хрупком столике уже были расставлены чашки и угощения. В тонкой ручке она грациозно несла увесистый чайник. Всё было живо и просто в её движениях.

— Я знаю, что будет дальше, потому хочу сначала послушать тебя, — сказала Полина.

— Что же будет дальше? — ухмыльнулся Вадим.

— Дальше будет фолк, джаз или симфонический оркестр.

— Ты права с первой попытки. Фолк, — ответил Вадим. — Джаз — это ты. А на той тропе я встретил частушку, прибаутку, народную песню, которую поют ангельским задушевым голосом. Перемежают пение с невесть откуда взявшимся течением реки, с журчанием ручья, трелями птиц. Слушаешь такое, и слёзы катятся из глаз. Слушаешь дольше и начинаешь тосковать до головной боли.

— Итак, её зовут...

Его история, сцена четвёртая

Её зовут Наташа.

Первым её заметил Фред. Она шла навстречу с пакетом чипсов, в наушниках. На ней была нелепая светлая куртка, рюкзачок, ботинки. Фред остановился, чтобы её рассмотреть. Она остановилась напротив. Я пытался продолжить путь. Но пёс замер. Она заговорила первой.

— Какая большая собака!

— Это не хаски! — неласково набросился я.

— А я не думала, что это хаски. Я только сказала, что она большая.

— Хорошо, его можно погладить.

Разговор двух планет. Она о своём, я — забегом по дорожке памяти сравниваю подобные случаи, что меня бесят, волнуют, раздражают, — о своём. А она даже и не пыталась назвать его иной породой. И вообще не интересовалась породой.

Барышня протянула испачканную чипсами ладошку, чтобы дотронуться до добродушной морды собаки. Рука непослушно отдёргивалась.

— Ой, ну ладно. Не получается, — сказала она. Собралась пойти дальше своей дорогой. Надела снова наушники. На меня даже не взглянула.

— Пойдём, приятель, — окликнул я пса. Но Фред стоял как вкопанный. Смотрел на удаляющуюся фигурку. — Пойдём, мы собирались в парк.

Пёс поддался. Мы зашли в огороженный забором участок, где было полно деревьев и скамеек. Снег постепенно таял, и ноги тонули во влажной земле. Нас это не смущало. Мы шли рядом и вели молчаливый диалог о чём-то мужском.

— Она тебе понравилась, Фред? — спросил я пса. Иногда я люблю поболтать с тем, кто только делает вид, что слушает. — Мне не очень понравилась. Не она сама, конечно, её я уже и не помню. То будущее, которое могло быть у нас с ней. Чего я там не видел? Только нервы. Только вечное чувство, что чего-то недоделал. Или пишешь ей, а она не отвечает. Что? Эта бы ответила? Да как же мы теперь это проверим?

— Как? Это вы? — пробудил меня от мыслей мягкий голосок. — А я просто не в ту сторону сначала пошла и вернуться решила через парк, — чудо в наушниках говорила тоже не со мной, а с Фредом. Понятно, почему он перестал слушать меня.

Она наконец-то до него дотронулась. Решилась. Бедняга Фред — эта парочка разговаривает с ним, как с человеком, а ответить он ничего не может.

— Девушка, вы заблудились?

— Меня Наташей зовут.

— Наташа, вы заблудились?

— А как зовут вас?

— Я Вадим. Вы заблудились?

— Вы что, не слышали, что я только что сказала? Я уже увидела, что иду не в ту сторону, и возвращаюсь обратно коротким путём. Через парк. То есть даже если я заблудилась, это было раньше, а теперь я... смотрите! Он разрешил себя погладить! — девушка трепала пса за ухом и даже захохотала от восторга.

— Он и раньше не запрещал. Это вы боялись. Гладьте, сколько хочется. Мы гуляем, у нас полно времени. И он, в отличие от меня, дружелюбный и терпеливый.

— Вадим... — она запомнила моё имя с первого раза. — А давайте чаю вместе выпьем? Или кофе. Что там в стаканчике? — она указала на мой напиток.

Мне казалось, что в нашем разговоре не было логики. Я об одном, она об ином, но не противоположном. Просто о том, что было в ней на тот момент. При этом у меня было ощущение, что мы друг друга слышим и даже даём тихие ответы на вопросы друг друга, просто не произносим вслух. Так бывает? Может быть, дело в каких-то волнах, исходящих... Или возраст пришёл. Возраст... Сколько ей? Лет на десять меня моложе. Куртка забавная. Но глаза и руки выдают опыт жизни. Нет, лет пять-семь между нами. Отвечу о чае. Она же спросила.

— Я купил его в кафе у парка, оно уже открыто, и можно купить с улицы. Пойдёмте. Нам с Фредом там нравится, понравится и вам. Я думаю. Хотя это не важно. Вы же хотите чаю, а не чтобы вам что-то где-то понравилось.

Она молчит. Не реагирует. Смотрит на собаку. Я не вляпаюсь на этот раз — она такая простушка. Совсем не в моём вкусе. Дышу свободно. Кажется, если я даже надену наушники, она не расстроится. Я ей, кажется, тоже неинтересен. Поглаживает Фреда. Немного задевает меня локтем. Интимный жест, но она не специально. Растерянна.

— Я устала, но хотела пройтись пешком. Была у подружки вчера. Осталась на ночь. Утром рано проснулась и сразу решила уйти к себе. Здесь всего пятнадцать километров. Пять из них я уже прошла. Но здесь заплутала... Да. Всё-таки заплутала.

Я купил два чая и протянул один Наташе. Намёк я понял. Десять километров пути, перспектива побыть в компании этой чудачки несколько часов — мало ли, сколько раз мы «заплутаем» вместе. Интересно, какой жизнью живут такие, как она.

— Пойдёмте вместе, — на отказ я и не рассчитывал. Мне стало интересно. Видимо, чай с печеньем действует на меня благодетельно. — Я настроен... Мы с Френдом настроены на этот путь. На такое расстояние.

— Почему вы назвали его Друг? Это же так банально.

— Потому что он друг. Иногда я зову его Фред. Вы зовите его, как хотите.

— Хоть Фрейдом?

— Видимо, да.

Мы перешли на «ты». Я позволил себе расслабиться в разговоре и начал улыбаться. Я чётко понимал, что мы не будем вместе — у этой особы характер дьяволёнка.

Возможно, она замужем, и тогда эта прогулка будет совсем безопасной. Какие спокойные мысли. Как всё проясняется. Как становится легко. Психологи всего мира сейчас мотают головой, щёлкают шариковой ручкой и делают пометки в своих занудных блокнотах, выставляя мне диагнозы. Но мне всё равно. Честно. Можете прекратить все это. Я знаю, как с этим справляться и оставлять жизнь такой, какой она мне нравится. Быть одному — это хорошо для меня.

Наташа скакала вокруг пса, он пытался подпрыгивать с ней. Она фырчала, подбирая ему другие имена на «Ф».

«Давай-давай, наслаждайся нашей свободой друг от друга. Я сберегу её для нас».

Рассказы о себе в таких ситуациях несут особый шарм. Или говорить правду и ничего кроме правды с надеждой никогда больше не встретить попутчика — освободить Душу, открыться. Удивить себя и слушателя. Или врать с три короба. Для красного словца подкручивать факты. Рассказать о жизни своей мечты или о том, что слышал от друзей. Второе немного сложнее — во лжи приходится отслеживать цепочку, чтобы логика не прыгала. С правдой проще.

Я выбрал говорить правду.

Судя по тону, стройности речи Наташи, она тоже была честна. Но где-то, как мне показалось, недоговаривала. Это нормально. Мне было почти всё равно.

Я представлял себя за блокнотом на своей кухне. Там я рисовал две серые фигуры, бредущие вдоль парковой полосы бело-серых деревьев. С ними большая собака. В углу зарисовки крупным планом наушники. Пусть будет намёк на музыку. Таким необычным выдался день.

Сначала мы выяснили, где каждый из нас работает. Где мы однажды учились. Наташа оказалась сотрудницей на радио. Что-то связанное с рекламой, проекты для особых клиентов. Большой опыт, стаж. Мне нравится общаться с влюблёнными в свою работу.

— Что ты там конкретно делаешь?

— Всё! Пишу, создаю, продаю. Ну, помогаю продавать, участвую в переговорах.

— А где у нас это радио базируется? Это же у нас?

— Нет. Это в другом городе. Здесь недалеко, километров восемьсот пятьдесят. Завтра у меня поезд. Сегодня гуляю. Отдыхаю.

— Сегодня же рабочий день!

— Не у меня, — и снова этот смех. — Я есть хочу и замёрзла немного, — сменила она тему. — Выбросила перчатки сегодня утром. Испачкались. А постирать не захотела.

— Как выбросила? Зима же! И ты столько времени уже без перчаток! Возьми мои, — я бы отдал свои, но не нашупал их в кармане. — То есть я их забыл дома...

— Нестрашно. Давай выйдем туда, где есть магазины и кафе, куда пускают с собаками.

— Это пафосный город. Здесь везде пускают с собаками, только вот другим посетителям это может не понравиться.

— Тогда они смогут тут же уйти. Если двери открываются, недовольные смогут ими воспользоваться.

Вот так выходка от чуткой девочки. Понял... это моя оценка. Она не была такой.

Наташа производила впечатление малышки из-за нелепой огромной куртки и детской радости при виде собаки. Но, если начать рассматривать, всматриваться... Высокий рост, не слишком тощая. Вполне крепкая и твёрдо стоящая на длинных спортивных ногах особа. Волосы собраны в небрежный пучок. На голове что-то вроде шерстяной повязки. Ботинки.

Она тоже любит ботинки. Как хорошо, что не сапожки на каблучках, — рядом с такими сложно шагать рядом, у них какой-то особый характер, у этих сапожек: надменный, несносный. А ботинки — это доброта. Надёжность, чистота взгляда. Ботинки. Я так думаю: закрываю глаза — на предыдущем наброске к наушникам дорисовываю грубый ботинок. И второй рядом. Шнурки развязаны. Надо подобрать музыку. Позже.

Мне становилось проще с каждым шагом. Неместная. Самодостаточная. У меня не родится к ней привычного чувства спасателя, завоевателя, к какому я пришёл ещё со школы не без помощи шаблонных советов старших товарищей.

Работа у неё интересная, творческая. Мне даже полезно иметь с такими дело: вдохновение лишним не бывает. Муза-Наташа, давай, проявись.

— Вот! И кафе, и магазин! Это сказочный город. Здесь исполняются все мои мечты. Я в восторге!

— Хорошо. Я рад. Мы с Фредом пойдём разгонять посетителей, освободим для нас с тобой лучший столик. Ты любишь у окна? Бери перчатки, варежки, валенки и ищи нас. Вокруг нас будет много шума.

— Я люблю сидеть у окна, — ответила она.

Добрая улыбка удалилась в магазин.

Такой большой город. Как мы с ней в нём нашли?

Полина бродила по городу в поисках воздуха. Дышать в тот день было сложнее обычного. Мысли, которые она гнала от себя или провожала, чтобы не мешали жить, набрасывались с особой силой. Звонок доброму человеку сгладил боль. Разговор шёл о «звёздной погоде». «Трудно сейчас, трудно всем, — говорил голос в трубке. — И ладно. Трудно, значит, будем двигаться через трудности. Так тоже можно. Шаг за шагом».

Что же меня здесь держит? Когда я одной ногой в болоте, а другой — на хлипком мостике, то представляю, что именно левая обрела опору, а правая вязнет. Силюсь оттолкнуться левой и вытянуть себя из болота. Благо я левша. Вопрос лишь в том, что заставляет меня вытаскивать себя.

Видимо, неблагополучность болота, которую я осознаю. Жизнь продолжится, но будет она болотистой и вязкой. Серая жизнь страшнее чёрной смерти. Поэтому собираю силы и вытаскиваю себя из болота.

Понимание, как быстротечна, но продолжительна жизнь, накрывает. Я осознаю, что в этом измерении существует только время — единица, которая создаёт мир. И нули — мы, живущие в этой единице. Время искажается: короткие ночи, длинные дни.

Случись стресс или повысьсь тревожность — поменяются местами показатели: дни станут короткими (ничего не успеваю), ночи удлинятся (не спала — долго думала).

Вчера было детство, смех без причины и сопли пузырём, сегодня — красная помада и обязательные медицинские обследования. А родители... Как давно не видела их улыбок — вечность. Мой развод и удушливое одиночество — только что.

Меня привязало к этой жизни время. Оно диктует правила, ставит условия. Я начну с ним договариваться — ценить, наполнять радостью, проводить благоденственно — и оно ослабит хватку. Я устану, оно по привычке будет какое-то время вести меня, шепча: «Продолжай верить». А потом, если не уймусь в страданиях привычных, как швырнёт о землю — сожрёт все часы безмятежности.

«Мало тебе?»

«Нет. Довольно. Остановись».

Оно не остановится. Но даст передышку. Время будет идти, я буду в нём бултыхаться, тонуть в болоте или парить, двигаться по лучу его, направленному в...

Что меня здесь держит... Вера в то, что со временем мы все придём к счастью. У нас будет такой шанс. Много шансов. Много вариантов. Поле возможностей. Такие бывают возле болот: мелкие цветочки-звёздочки мигают там и тут. Отходи от болота. Собирай, наслаждаясь.

— Ты где сейчас? — спросил Вадим.

— Там, где через двадцать минут начнётся кофе.

— Тебя туда ангелы привели? Скинь мне адрес, я подъеду, если ты не против. У меня есть время.

— У меня есть силы.

Она скинула адрес.

Ангел

Эту историю мне рассказал друг. Он не стал мне мужем. Муж был после. О нём я не скажу ни слова. Берегу память о нём в тишине и прохладе. Так мне лучше.

Новелла об Ангеле. Попробую её описать. Я видела фото. Картинка будет не такой, какое за ней последует повествование. Глазастая блондинка. Пухлые губки, пышная грудь. Задумчивая, немного серьёзная. На вид ей лет семнадцать-девятнадцать. Она милая.

Дальше голос моего друга.

Мы встретились в кафе. Точнее, я заметил их с подружкой в кафе. Они о чем-то серьезно разговаривали. Смотрели друг другу в глаза. На мир не отвлекались. С окружающими не кокетничали. По их полному погружению в беседу казалось, что у Ангела — её лицо я видел отчетливее — какая-то проблема, и они с подружкой её обсуждали. А у меня был обычный день: после работы я решил пройтись, захватил фотоаппарат и, нагулявшись, зашел в дешёвую кафешку.

Что-то привлекло меня в этой парочке. Я человек общительный, простой. Подошёл.

За их столиком были свободные стулья. И я без разрешения подсел. Уместился рядом с Подругой. Они не были сильно возмущены. Но и не улыбнулись мне. Прогонять не стали. Беседу не начинали. Свою приостановили. «И хорошо, — думаю, — к проблемам вернутся потом».

Им ничего не оставалось, кроме как пить кофе, а я представился и пообещал сразу перейти к делу: «Сфотографирую вас. У меня хорошо получается».

Я расчехлил фотоаппарат и, направив его на Ангела, попросил замереть и посмотреть на меня. Она не стала кривляться, отнекиваться, прятаться. Со спокойствием мающейся на солнцепёке глыбы подняла на меня огромные глаза. Дала сделать снимок. Меня это, признаться, смутило. Я почувствовал себя малолеткой под прицелом взгляда мудрого человека.

«Мне нравится свет, — я заикался. — Свет, в котором вы сейчас, который на вас падает. Вы очень интересны в нём...»

Ангел поощрила меня улыбкой. Лёгкой. Уголком губ. Опустила длинные ресницы.

Её образ был иконописным. Я не видел прежде такой красоты в живом воплощении. Чуть-чуть повела плечами — не кокетливо, но нежно. И я зачем-то сказал, что готов отдать ей напечатанный снимок. Хотя на самом деле это было не так. Кто сейчас печатает фото? Я словно одурел от её спокойствия и красоты. Захотел снова увидеть её. Сравнить впечатления. И нашёл такой глупый предлог.

«Вы можете прислать мне его в социальных сетях. Распечатывать не нужно. Мне хранить негде», — промурлыкала она ровным голосом с едва уловимыми детскими капризными нотками.

Кивнул ей: «Понял. Пришлю».

Мне хотелось побыть с ними ещё. Они обе были приятными. Но я чувствовал себя лишним. Медля выходить из-за их столика, я добавил обеих подружек в сети. Предложил встретиться снова. Ангел сказала, что не раньше, чем через пару недель. Ей нужно было уехать из города. И я ушёл, оплатив их счёт: «Это благодарность за снимок. Примите, пожалуйста».

Вскоре я написал ей. Она не шла у меня из головы. И тот снимок — единственный, что я сделал, показался мне действительно удачным. Она не ответила.

На следующий день я написал снова. Через две недели ещё раз. Наконец-то я додумался заглянуть в её профиль. Последняя публикация почти месяц назад. О том, что она планирует поездку. И комментарий от той самой Подруги, с которой они сидели в кафе. Меня было уже

не остановить! Подруга ответила на моё сообщение, но не на вопрос об Ангеле. Согласилась встретиться, тем более что в центре она бывала часто.

Я распечатал фото, вставил в красивую рамку, упаковал.

— Возьми, передай ей, пожалуйста, при встрече. Я обещал. Снимок хороший. А на мои сообщения она не отвечает. Даже не читает.

— На мои тоже... Нет её больше.

Между нами повисла каменная пауза.

— Она болела? — беспомощный и глупый вопрос сорвался у меня.

— Нет. Не болела. Её сердце просто остановилось. Без предупреждения.

— Ты не спешишь? Расскажи мне о ней, пожалуйста, — попросил я.

— Что рассказать?

— Не знаю. Любую историю из жизни этой девочки, — я снял обёртку и положил фото на стол. Подруга рассказала мне...

...о маленьком городке, школьном дворе и пареньке, который после уроков подходил к Ангелу и просил разрешения проводить её домой. Она жила в пяти минутах ходьбы от школы. Он нёс её сумку. Они почти не разговаривали. Были влюблены. Затем вместе переехали в большой город, но что-то не заладилось. Она хотела съехать от него. Взять паузу.

— Подругой, к которой Ангел собиралась переехать, была я. И на следующий день она была уже с вещами у меня. С тем парнем больше не виделась. Хотя я верю, что у них могло получиться.

— Он любил?

— Он любил. Сильно. Написал, что «она была настоящим Ангелом, и ей было не место в этом лживом мире».

— Подростковый максимализм.

— Нет такого. Да и не подросток он уже вроде. Или подросток? Любил её, как умел, но не сберёг. Она ушла... так внезапно. И быстро. Ушла. Посмотрела на небо и взлетела.

Подруга заплакала. Я не стал утешать. Мне было не по себе. Чувства переполняли. Я решил просто оставить у себя эту историю.

— Догадываюсь, откуда у тебя эти истории, — сказал Вадим.

— Да. Я знаю, — Полина медленно кивнула.

— История в тему. Ангельские энергии витают в воздухе.

— Ты чувствуешь? — спросила Поля.

— Чувствую.

— Я тоже.

Что объединяет двоих людей? Да всё.

Или гораздо большее, чем им кажется. Люди встречаются на одинаковых точках развития или на одинаковых уровнях потребности движения вперёд. Или столкнувшись с одинаковым барьером. Или накопив достаточно сил друг для друга. Встречаются, чтобы перевести каждого из этапа в этап.

— Когда ты уходишь, у меня приятное послевкусие.

— У меня тоже. И когда прихожу тоже.

— Я не хочу думать и знать, что будет дальше.

— И я. Намеренно сдерживаю каждый и любой порыв.

— Мне подходит.

— Мне тоже.

Кто это говорит?

Его история, сцена пятая

Я ждал Наташу в кафе. Мой пёс Фред был тут же. Я достал из сумки блокнот и карандаш. Я рисовал... Перчатки, шапку с помпоном, бумажный стаканчик с кофе. Уют городской жизни. Я рисовал, выводя неспешно штрихи и линии. Я водил карандашом по бумаге, и в кафе влетела Наташа. Уже в перчатках.

Мы с Фредом сидели у окна. Свет в этом антураже был чарующим. Я подумал, что мой новый приятель Олег не упустил бы возможность сделать кадр. А Наташа даже не подумала достать телефон и запечатлеть случайную композицию. Улыбаясь, она подошла к столу, потрепала пса за ухом. Он подался головой к руке.

Наташа выдохнула и больше не спешила. Сняла куртку, осталась стоять в блестящей кофте у столика. Смотрела на меня. На рисунок. Молчала. Ждала. Я спохватился, смутился, сообразил. Вскочил, принял куртку, повесил недалеко от стола и отодвинул стул.

— А ты леди, — я почти грубил. — Сделаешь из меня мужчину.

— Держи. Это твои, — она достала из рюкзака упаковку с вязаными перчатками. Тёмно-синими со светлыми снежинками.

— Спасибо тебе, добрая Фея.

— Как тебя зовут? — спросила Наташа.

— Я Вадим, — напомнил я.

— Точно... А то я всё вспоминала — Влад, Виталий.

— А я думал, ты запомнила.

— Нет.

Приём пищи — интимный процесс. Кто в чью тарелку смотрит. Кто какими приборами пользуется, кто жуёт и говорит ли при этом... Кто за кого платит.

Свободные от необходимости произвести друг на друга должное впечатление, мы заказали каждый, что любим, и даже для пса миску воды. Словоохотливые философы говорят, что свобода начинается у нас в сердце и, если дошла до головы, которая пытается управлять нашими поступками и решениями, то, считай, повезло. В свободе человек естественен и потому прекрасен.

— Я тоже вегетарианец, — признался я вслед за Наташей. — Чудовищное сходство. Или...

— Сейчас модно.

— Да. Только я никогда не любил вкуса рыбного или мясного. Вот и не ем. Могу себе позволить.

— А я кофе не люблю. Всё больше чай. Хотя и то, и другое — стимуляторы, чай мне нравится по вкусу больше. Его легче пить без сахара и молока, их я вообще не люблю. И чай не вызывает привыкания. У меня.

— Я кофе пью. Но сейчас выпью чай. Пусть будет чай.

Было много чая и десерты. Перчатки мне оказались впору. И, как ни странно, кстати. Мы продолжили путь сытые и утеплённые.

— Хочешь поехать на общественном транспорте? Часа три сэкономишь, — спросил я. — Я немного устал. Мы находили уже много шагов.

— Неужели я успела тебе надоесть? — она засмеялась. — Ладно, вопрос с манипуляцией. Не отвечай. Я пока хочу продолжить путь.

— Я устал говорить, — признался я.

— Я тоже. Давай музыку слушать. Мою.

— Это даже интересно.

Мы подключили наушники к её музыке и зашагали в ритм.

— Я хочу Френда повести, — сказала она, освободив ухо.

Я услышал её и кивнул.

«Так мы ещё до кинотеатра сегодня добредём», — подумал я.

«Интересно, куда ещё пускают с собакой?» — она достала телефон и написала в заметках это сообщение. Протянула мне. Я прочитал.

4

— Кое-что у тебя сегодня спрошу, — сказал Вадим. Он стоял на пороге квартиры Полины.

— Меня можно поцеловать, — ответила она.

— Я не об этом.

Он не сделал рывок к ней навстречу. Она не посмотрела на него манящим, приглашающим взглядом. Они переглянулись, и она, опустив глаза, протянула руку, чтобы забрать у него пиджак и повесить в шкаф.

Улыбнулась. Отошла.

Он переобулся в тапки и прошёл в комнату.

Она отошла, чтобы налить на двоих чаю. Он ждал её. Смотрел в окно.

— Итак, твой вопрос...

— Как много значит слово, произнесённое вслух? — спросил Вадим.

— Ровно столько значит, сколько говорящий в него вкладывает.

— Может, у тебя есть какая-нибудь история об этом? Как один твой знакомый однажды ляпнул что-то в компании людей, а его услышали. И что-то такое закрутилось, началось, что он...

— Пришёл домой под утро? — перебила Полина.

В то утро и она была раздражена. Точнее, как она это определяла — её чувствительность была повышена. Слух обострился, зрение выдавало такую палитру, что трудно было смотреть.

— Нет. Тебе тяжело слушать?

— Не тяжело, мне странно, — призналась она.

— Давай так...

Он встал и взял её за руку. Увёл из уголка, где они привыкли сидеть. Плюхнулся на мягкий коврик в углу комнаты. И похлопал ладонью рядом с собой.

— Не нужно чая сегодня. Садись рядом. Здесь тихо и спокойно.

— Мне подходит.

Они сидели на полу и молчали. Смотрели в разные стороны. Думали каждый о своём.

— У меня нет такой истории.

— Какой?

— Не знаю, — ответила Полина, — ты мне скажи. Какой у меня нет истории, где мой друг что-то ляпнул в толпе людей. И что-то закрутилось, что...

— ...что начало меняться и рухнуло на следующий день, — закончил за неё Вадим. — Что всё, что он наработывал, скапливал за всю жизнь, рухнуло. Система рассыпалась. Ей подбили всего одну опору. И всё рухнуло.

— Прямо всё?

— Рухнули планы и мечты.

— Это были нужные планы и хорошие мечты?

— Тебе говорили, что ты умеешь задавать правильные вопросы?

— Постоянно.

Его история, сцена шестая

Я провожал Наташу пешком. Мы проделали вместе большой путь. К месту, где она жила, мы подошли, когда уже стемнело. Самая обычная дверь. Не из тех, возле которых обычно в Голливуде происходит что-то судьбоносное. Я даже не помню, какого она была цвета. Видимо, серая.

— Хороший был день, — сказала Наташа. — Спасибо тебе!

— Да. Неожиданный. Держи мою визитку.

— Если ты устал, хочешь воды, мы можем подняться. В общей зоне с собаками быть можно. Это хостел.

— Нет, мы пойдём потихоньку. Я знаю маршрут короче. На обратный путь у меня не уйдет весь день. То есть ночь.

— Ну да, точно. Фред, дружище, пока! — сказала Наташа и скрылась за дверью.

Может быть, она смотрела на меня из окна комнаты. Наблюдала, как мы с Фредом неспешно пересекаем двор. Мы свернули за угол, и мне пришло сообщение: «Добрый путь». Я готовился именно к такому. Кивнул. Отвечать не стал. Жест вежливости с её стороны. И честность с моей. Я был ей благодарен, но писать об этом... у меня мёрзнут руки.

— Эй, ты что, влюбился? — окликнул меня Олег.

Кажется, я зазевался. Или он так подумал. Я стоял на лестничной площадке у лифтов и смотрел в окно, дожидаясь, когда мне откроют дверь. Внезапное приветствие вопросом вычистило все мысли из головы.

— А, я? Нет! У тебя здесь двадцать четвёртый этаж. Так необычно. Давно не был на такой высоте от земли. Засмотрелся.

— Ну, ты заходи.

Я внёс правки в квартирный проект Олега. Как и договаривались, встретились у него, чтобы работать дальше. Я был доволен тем, что получалось. Разговор о лофте шёл легко. Я ожидал, что вопросы будут именно в тех местах, где я их и услышал. Деловой тон снова перешёл в дружеский: когда есть понимание в работе, можно переходить и в дружбу. Если люди слышат друг друга, что ещё для тёплого общения нужно.

В беседе я вспомнил вопрос, которым Олег встретил меня. Он ворочался во мне, и, хотя я воспринял его как шутку, он зачем-то решил во мне прорасти и вытащить откуда-то ответ.

— Интересно, что ты спросил, не влюбился ли я. Я тоже недавно задавал себе этот вопрос. С облегчением обнаружил, что ответ отрицательный. Когда уже изобретут тесты, чтобы мы точно знали, произошла химическая реакция «влюблённость» или нет. Зародился ли этот вирус внутри невинного тела...

— Не влюбился... А я уж понадеялся, что сегодня у меня к чаю и дизайн-проекту лофта добавится красивая история.

— Я, наверное, о работе думал. О нашем проекте. Поэтому к чаю есть дизайн.

— И ты любишь это дело. Влюблённый в проект смотрел в окно, тоскуя о нём. Я счастлив за вас, ребята, — сказал Олег.

— Смеёшься? Мне это нравится. Но ты не слишком промахнулся. Что-то недавно случилось. Ну... если честно, ни о чем... Встреча. Недоразумение. Такое нечасто со мной. Поэтому я запомнил.

Со дня прогулки прошло две недели. Я так и не ответил на сообщение. Наташа тоже молчала. Мостик времени между нами увеличивался. Но я почему-то думал о ней иногда.

— Вот это уже интереснее! И жизненнее. Что за «Недоразумение»? — спросил Олег.

— В светлой куртке.
— Интересно.
— С радио.
— Вот как! Что за радио?
— Да. Оно не местное.
— Брось, мне всё равно. Она. О ней расскажи.
— Тебе зачем? Следовательно... Рост примерно сто семьдесят пять, цвет волос... Светлые какие-то, но не белые. Глаза серо-голубые. Смеётся всё время.
— Над тобой?
— Почему надо мной?
— Вадь, ты что напрягся? Давай с проектом ко мне на кухню, — Олег встал. — У меня там тоже окно есть, в тот же двор. Будешь из него свою светловолосую в светлой куртке высматривать.
— Она в другом городе живёт. И она не моя. Я ей даже на смс не ответил.
— Интересно. Ловелас ты?
— Что? Нет! Чаю мне нальёшь? Не было ничего. Мы гуляли только. Всё было так просто и легко, что я даже не хочу утяжелять это каким-то там продолжением. Междугородними отношениями, вокзалами. Сообщениями: «Доброе утро», «Сладких снов».
— «Целую, Зая», — добавил Олег.
— Вот-вот. Всё было так легко и прозрачно, без намёка на флирт и обязательства. Кажется, я смеялся целый день. Мы с Фредом...
— С кем? Успокой меня. Это же не её имя? Редкое.
— Фред. Собака моя. Пёс огромный. Маламут.
— Вадю-юша, как романтично. Так славно и гладко всё началось, — потянул Олег. — Мне нравится эта история.
— Не пойму твою магию. Почему я тебе всё это рассказываю?
— Я подожду продолжения. Пусть оно будет... Или нет. Но ты мне что-нибудь о ней ещё расскажи.
Мне захотелось перевести тему. Я поставил ноутбук с проектом на высокую стойку. Начал всматриваться в детали. Я отвлекал, отвлекал, отвлекал себя работой от пустого, как мне тогда казалось, разговора.
— Здесь картины по стенам? — спросил я. — Вот здесь, в гостиной. Какой ты стиль хочешь? От этого зависит цвет пола в этой зоне и освещение. Какое? Подсвечиваем каждую? Или много?
— Это фото.
— Твой?
— Мои работы. Да. Формат А4, А3. Разные. Без особой системы распределения.
— Понял. Сделаю. Есть идеи.
— Уже?
— Ну да. Это же моя работа! У нас же с ней любовь. Помнишь? А по любви оно всегда так. На фото люди?
— Да. Я фотографирую...
— Как меня тогда? На концерте.
— Точно!
— И я там буду?
— Пока не знаю.
— Недоволен полученными снимками? Я становлюсь любопытным. Перебей меня в любой момент. Но я хочу знать. Ты помещаешь в гостиной партнёров по бизнесу? Друзей? Товарищей по концертам? Всех, чьи имена начинаются с гласных?

— Стоп, творческий поток! Я там помещаю... Не хочу, чтобы это звучало... Понимаешь, я ищу. Я кое-что ищу. Что ищут многие. Почти все, — Олег остановился. — Ты прав, знаешь, этот вид из окна о чём-то рассказывает и мне. Можно зависнуть, вглядываясь. Давай так... Я понимаю, что переводить тему глупо.

— Олег, ты можешь не рассказывать. К чему эти интриги? Скажи — надоел, отстань. Или — не будем об этом.

— Понимаешь, Вадь, я впервые об этом рассказываю. У меня такой способ поиска. Я не показываю никому эти фотографии. Не рассказываю пока о них... Не делай такие глаза. Там никакие не шедевры, если ты об этом. И нет обработки никакой. Там просто в каждой фотографии история. Мне почему-то хочется тебе рассказать сейчас. Почему-то хочется доверить тебе. Наверное, устал в себе носить. Столько лет уже...

— Видимо, магия доверия в обе стороны работает. Ты можешь рассчитывать на меня.

Я ушёл в мысли. Как же мало можно сделать через слова. Ещё меньше через рисунок. Вот почему — и это круто — я выберу для новой зарисовки своей жизни слова. Я зарисовываю свою жизнь, как комиксы карандашом. А этот непонятный эпизод я буду записывать. Пусть родится роман. Я подумаю. Я подумаю об этом позже. Сейчас вернусь к Олегу. Он всё ещё стоит у окна и что-то пытается выразить. Отчего-то смущен чертовски, но не напуган. Значит, скелеты в его шкафах раньше не были живыми людьми.

Он обернулся ко мне. И, видимо заметив в моих глазах искру озарения, которая относится не к нему, но к моей идее, решил.

— Пора. Точно пора. И сегодня отличный день для первой истории. Допивай чай, а лучше бери с собой. Идём в комнату, я тебе кое-что покажу. Я ещё в прошлый раз собирался, настраивался, но то всё твои концертные флюиды. Сейчас я осознанно готов. Пойдём. Приготовься увидеть жизнь.

Я выслушал его историю и вернулся домой. Я взял новую чистую тетрадь и ручку, но не карандаш. Я пригласил свою героиню на первую чистую страницу. Я хотел звучать её голосом. Я хотел быть наивным и простым. Я хотел позволить себе то, что мужчины обычно не позволяют. Я начал записывать.

Садись со мной. Подышим вместе.

Ладонка в ладонку... Не в мою, а в свою... Впрочем, неважно. Важно?

Ладонки.

Смеюсь. Настроимся. У нас серьёзное дело.

А что, если...

Что если оказаться в темнице Души в хорошем настроении? Например, с верными мыслями или под хорошую музыку?

Я хочу выйти из ловушки сознания.

Я могу сделать то, что будет делаться, и прикладывать усилие, чтобы отзываться на помощь пространства и идти вперёд.

Мне пора.

Нам.

Дышим.

С каждым выдохом мы всё глубже в пучине тёмного океана (у тебя грустно-серый и рыхлый) — вижу. Наши тела обмотаны нитями или тросами, шерстяными, колючими или хлопковыми, липкими, надменными.

Тело даёт реакцию — тянет, давит, сковывает. Это нормально.

Дышим.

Если видим себя со стороны — как мы, кстати, ничего? — входим в образ и чувствуем свои глаза внутри него. Они закрыты.

Это тело, разум и Душа в темноте океана — я.

Это тело, разум и Душа в вязкости океана — ты.

5

Полина начала думать о Вадиме. Она начала понимать, что скучает. Боль одиночества будила её по утрам. Она успевала благодарить и верила: «На этот раз пройду. На этот раз вызов долгожданный, желанный». Ей помогут стихи. Рванные, ценные, наполненные. Одиночество сменится уединением. Печаль танцует с радостью. Она выдыхает страх и вдыхает очарование жизнью. Это её выбор.

Она протянула гибкую руку к прикроватной тумбочке. Она открыла книгу на нужной странице.

Лирика

Как зарождаются чувства. Неровно... Как моя улыбка болезненно-сонная в твоём размытом объективе: «Я хочу запомнить день, когда я стал счастливее», — и кадр остался с тобой навсегда. А наши следы смывает вода и ветер, который меняет план, и я звоню, но сейчас не туда.

Не в счастье.

В печаль.

Не ответят.

Подробно... Как твой рассказ обо всём, что здесь было. А мне интересно, я почти позабыла акценты и голосовые нюансы. Я слушаю медленно в радужном трансе. Слова понимаю. И смыслы. Детали. «Вот здесь», — и глаза по кивку побежали смотреть на подробности, что рассказали прогулки и все километры хромыми ногами. Мы знали.

Помедленнее... Нас обнимали печали прощания. Секунды сказали, что убежали, да мы не просили, чтобы нас ждали. Мы капли дождя — зашуршали, погнали, нас ветер тревожит... Пстой. На прощание.

Я прикасаюсь. И я выдыхаю. Коснулись сердцами. И замолчали. А я улыбаюсь отвязно по-детски. На кончиках пальцев твоих мягких-резких. Осталась. Так было? Не знаем. Я всё сочиняю.

«Таксист, подождите, я на прощание...» — спустилось окно, ладонь покивала. Я не прощаюсь. Мы скоро...

...вновь по стеклу эти капли-туманы. Напишешь. Я знаю. Со мной безопасно. И я не волнуюсь.

У нас в скрытой точке обманы-бурьяны.

Как обычно, без предупреждения, без звонка. Стоит на пороге. Она открыла дверь, потому что собиралась выходить. Она ахнула, увидев его. Она одета по-уличному. Сколько он тут стоит? Почему не постучал?

— Куда-то собиралась?

— Я пришла. И я тебе рада. У меня есть чай.

— Пойдём погуляем, — сказал он.

— Тебе нужны мои истории сегодня?

Нам нужно отвлекаться. Смотреть в другую сторону, слышать другие голоса. Особенно когда навалилось и напугало. Когда жизнь ставит шах или это мы так воспринимаем. Когда поняли, что «доигрались», а дальше разгребать. Нужно браться, делать. Или нужно пойти, отдохнуть, выдохнуть.

— Отведи меня туда, где тебе было очень больно или страшно. Есть ли в городе место, где ты потеряла себя?

Она кивнула.

Путь был близким, но пешим. Они разговорились.

— Так, значит, я твой Джаз? — сказала она и улыбнулась.

— Запомнила, значит, — он улыбался тоже.

Улыбки обоих выглядели болезненно. Они это замечали. Но лишние вопросы — не их спутники.

— Мне нравится об этом думать.

— Пронзительная. Или нет. Нелогичная. Срывающаяся.

— Не получится подобрать эпитеты, пока в них оценки, — перебила она. — Люди разные. Я тоже. Но у них есть общее настроение. Вот у меня в твоём восприятии джазовое настроение.

Лирично-рваное, меланхолично-страстное. Какое настроение создаёт джаз? Сами музыканты, отвечая на этот вопрос, берут в руки инструмент: «Это джаз, — говорят они, останавливая игру, — теперь вы понимаете?» И человек понимает? Вот эта мимолётность бури впечатлений. Эта солнечная сторона тишины. Эта грозная поляна, где от чего-то спокойно... Видимо, гроза прошла, а новая нескоро. И сейчас время джаза. Время, когда не тронут, не прикоснутся, не отвлекут. Время джаза. Ему нужно время. Ей тоже нужно время.

— У меня мало времени, — выпалил Вадим.

— Осталось недалеко и недолго, — ответила Полина.

Он остановился и повернулся к ней. Взял за руку.

«Неужели поцелует?» — подумала Полина. Взглянула на его губы. Не почувствовала всплеска. Украдкой сжала губы, совсем чуть-чуть. Не тянутся к поцелую. Но что-то есть... Души целуются. Приятное ощущение, нежное осознание.

— Я не о сегодня.

— Ты прощаешься? Ты улетаешь? Навсегда?... Я почему-то тебя перебиваю.

— Мне нужно лечь в больницу. Сложная операция, и я не знаю, как из неё выберусь.

Полина улыбалась. Тихой улыбкой жизни. Глаза были матовые, спокойные. Она не загадывала, но понимала, что этот образ, в который он так вглядывается сейчас, поможет ему выбраться из того заперделья, куда отправят его медикаменты. Думала она быстро, но медленнее, чем её естество, которое уже приняло форму иконописную и замерло, давая собой наслаждаться.

Они говорили о том, что он точно пройдёт, что путь красив и врачи виртуозы. Она больше слушала, не промелькнёт ли запретная для отправляющихся под наркоз тема. Не начнёт ли говорить о детстве, не закроет ли дверь в эту реальность.

Он говорил о многом. Рассказывал истории. Голос звучал особенно мягко. Дважды она свернула не туда, чтобы удлинить путь к месту боли. Ей хотелось слышать. Он приходил в себя, оттаивал. Она открывалась ему навстречу.

— Вот моё место боли — скамейка за домом, — она зашла во двор, где спинкой к скверу стояла одинокая лавочка. — На ней курьеры по утрам созваниваются по видеосвязи с матерями и болтают на весь двор, будят жильцов. Днём она пустует. Вечером нет.

— Это? — он подошёл. Сел рядом.

— Эту скамейку делает местом боли моё воспоминание, как я ждала на ней человека, а он и не думал приходить. Как я писала ему сообщения, умоляя простить, умоляя вернуться, — она сложила руки, начала потирать ласково большим пальцем тыльную сторону ладони. — Как я плакала. Он не выдержал меня. Он не вынес меня настоящую.

Нам однажды нужно вырасти. Для этого нужно сначала побыть ребёнком. В детстве не всегда получается. Приходится во взрослом возрасте. Быть ребёнком — дать себе возможность опереться на человека, которого мы любим. И быть самим собой, со всеми своими особенностями и странностями. Быть полностью и безоговорочно принятыми тем, кому доверяем. Так появляется возможность созреть эмоционально. Мы видим, что нас любят любыми. Мы можем делать выбор, а не только подстраиваться или демонстрировать...

У неё в детстве такой возможности не было, а тот, кто ушёл, прежде говорил ей и повторял много раз, что она ему нужна, такая, как есть, нужна — вся нужна. И она зацепилась, расслабилась и повисла тяжёлым грузом на нём, выпуская коготки, заворачивая и отталкивая. Смеясь по-детски, истеря наотмашь, обнимая сладко, отталкивая что есть силы. А сила в теле и психике была уже не детская. Столько выдержала, столько была опорой для многих. Столько шла одна. Одиночество стало ядом. Общение — испытанием. Годы обступили и требовали решения. Рана болела всё сильнее.

Он позволил выразить себя, но не выдержал. Начал отвечать собой. Выражать себя ровно так же, как и она, — по-детски, яростно, звонко, болезненно. Два больших ребёнка в одной комнате. Связанные сильными чувствами. Оба умоляют, чтобы второй прекратил быть собой и срочно вырос, дал то, что ему так сильно — до слёз, до крика, до судорог — нужно. Очень нужно. Нужно!

Она плакала. Он ушёл. Она бежала за ним. Не догнала. Ушёл.

— Я сидела здесь. Было жаркое лето, а я мёрзла, — Полина улыбалась.

— Что было ещё?

— Я разрушалась. Господи... Если бы кто-нибудь тогда подошёл ко мне и сказал, что для того, чтобы стать той, кто я есть сейчас, мне нужно разрушиться и всё это пройти, мне было бы проще.

— Так скажи.

Полина прикрыла глаза: «Девочка моя... идём домой. Идём, я тебя согрею. Я тебе расскажу, что жизнь твоя — это не череда доказательств и попыток кому-то услужить. Это...»

— Её слёзы меня перебивают, — сказала Полина.

— Просто продолжай.

— Сначала скажи, зачем мы здесь и всё это делаем.

— Потому что сегодня так... — ответил Вадим.

Полина сделала глубокий вдох. Прикрыла глаза снова. Выдохнула: «Представляю... Я бы тогда тебя просто обняла. И ты бы почувствовала, что стало теплее. Я начала напевать на ухо приятную мелодию. Её слова как бы случайно срывались с твоих губ. Душа хотела жить. Ты это чувствовала, хоть и сопротивлялась. Я была рядом. Девочка моя, мы пройдем. Мы станем такими прекрасными, такими...», — Полина улыбалась. Диалог продолжался в тишине.

Скамейка. Четыре ножки. Дерево позади. Цветы-плющи обнимают ветви и свисают с них, будто бы дерево их вырастило. Красиво. Альянс. Удушливая пара. Обычный асфальт, бордюр, земля палисадника, поросшего травой. Угол дома. Крыша подвального помещения. Ни один художник не взялся бы за этот пейзаж. Здесь боль гостила. Вот и всё.

Они просидели до темноты. Они говорили о страхах и боли. О смешных причинах и болезненных последствиях глупостей, которые сделал каждый из них.

— Однажды ты расскажешь и эту историю? Свою.

— Однажды расскажу. Но для этого ты должен выйти из больницы. Ты вернёшься?

— Я вернусь.

Он осторожно накрыл своей рукой её тонкую ладошку. Сжал и потянул, приглашая встать.

Он лёг в больницу. Написал ей перед этим сообщение, что день хороший, а она прекрасна.

«...а ты прекрасна», — она прочитала и поняла, что начала ждать от него нового сообщения. Ответ писать не стала. Была уверена, что он прислал эти строки чуть ли не перед тем, как закрыть глаза надолго.

Вечером того же дня ей стало спокойно. Она думала о том, что их новая встреча точно состоится и ей нужно сохранить своё равновесие, своё ощущение себя. Не потерять себя, чтобы, когда они встретятся снова, она осталась той, с кем он попрощался. Но ей важнее было быть той, кем она была, а не кем её хотел видеть мир или кто-нибудь ещё.

Она читала.

Жить в горах

«Вырви нас из контекста. Перепиши документы. Мы поедем жить в горы...

Я тоже не хочу.

Давай в другом воплощении снова, где мы встретимся под наклоном возраста. Мы будем снова ревновать и отпираться. Ты будешь мне не рад, но пригласишь на танец. А я позволю твоим пальцам в моих волосах длинных блаженно скитаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.